

ДМИТРИЙ
GOBLIN ПУЧКОВ

КАТЕГОРИЧЕСКИ
РЕКОМЕНДУЕТ

СЛАВНЫЕ ПАРНИ

МИРОВОЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
КНИГА, ВДОХНОВИВШАЯ МАРТИНА СКОРСЕЗЕ

НИКОЛАС

ПИЛЕДЖИ

16+

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Николас Пиледжи

Славные парни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34837297

Н. Пиледжи. Славные парни: Питер; Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-00116-868-3, 9781439184219

Аннотация

Генри Хилл был бандитом. Он был аферистом. Он строил козни, плёл интриги и проламывал головы. Он знал, как дать взятку и знал, как обуть лоха. Он работал в мафии на полную ставку в качестве рэкетира и громилы, он был гага avis – той редкой птицей, которую охотно изучили бы как социальные антропологи, так и копы. На улицах он и его друзья называли себя «умниками». Мне кажется, его история даёт уникальный взгляд изнутри на жизнь пехотинца оргпреступности, которую обычно описывают либо посторонние, либо capo di tutti capi, мафиозные боссы.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
От автора	10
Предисловие	11
Глава первая	16
Глава вторая	33
Глава третья	50
Глава четвёртая	65
Глава пятая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Николас Пиледжи

Славные парни

© 1985 by Pileggi Literary Properties, Inc.

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2023

© Перевод на русский язык под редакцией Дмитрия Пучкова, 2018

* * *

Предисловие к русскому изданию

Когда-то давно, ещё во времена перестроечного видео, посмотрел художественный фильм *Goodfellas*, в отечественной интерпретации «Славные парни». Накал реализма в фильме был такой, что впечатление произвёл неизгладимое.

Само собой, в отечественном переводе в строгом соответствии с отечественной традицией облагораживать различную зарубежную мерзость американские бандиты превратились в благородных «гангстеров». Собственно, даже название *Goodfellas* переведено как «Славные парни», хотя на самом деле это «Правильные пацаны». Само собой, из фильма исчезла вся нецензурная брань, и отмороженные американские уголовники и убийцы заговорили как выпускники филфака.

Углубившись в предмет, выяснил, что фильм снят по книге американского журналиста итальянского происхождения Николаса Пиледжи. Книга называется *Wiseguy*. *Wiseguy* – почётное звание профессионального преступника из числа этнических итальянцев в США. У нас это обычно переводят то как «мудрец», то как «умник». На самом деле это переводится примерно как «толковый». У нас этих граждан обычно называют мафиози. Но сами себя американские бандиты никакими мафиозами не называют. Сами себя они называют *wiseguys*.

Книжка практически документальная, написана со слов итало-ирландского бандита Генри Хилла. Фильм снят режиссёром Мартином Скорсези достаточно близко к тексту (насколько это возможно в отношении документального повествования). В книжке гораздо более подробно освещён непростой жизненный путь матёрого американского негодяя – от конца пятидесятих годов до начала восьмидесятых. Без прикрас изложены механизмы внутригосударственной контрабанды и различных способов хищений американской собственности. В общем, фильм – это фильм, а книга – это книга.

У нас по причине глубокой дремучести граждан многим кажется, что уж если где и есть размах некоего явления (например – воровства), то ни в одном месте на планете Земля данное явление не представлено круче, чем в России. Уж если воруют – значит, больше всего воруют в России. Русская нецензурная брань – она самая нецензурная в мире, а русская преступность – само собой, самая преступная. У нас и воры значительно вороватее (многие читали Мандельштама), и искусство краж поставлено в России на недостижимую для инородцев высоту, и размах российского воровства затмевает вообще всё в масштабах Вселенной.

Что и почему в данных представлениях неверно? Данные представления базируются на характерном для обывателя микроскопическом кругозоре, ибо большинство граждан кроме идиотских телепередач ничего не видит. И пото-

му неспособно осознать, что есть страны значительно богаче России. А это значит, в богатых странах украсть можно значительно больше. И воруют там, что характерно, значительно больше. Несравнимо больше, чем у нас. И ворья там достаточно – от мелких жуликов до мегапрофессионалов. И воровать они умеют ничуть не хуже других.

Скажу страшное. Поклонники творчества Задорнова и ура-патриоты – приготовьтесь. Есть страны, промышленность которых может построить только «запорожец». И есть страны, где BMW. Так вот там, где строят «запорожцы» – воруют создатели «запорожцев». Воруют примерно так же, как строят свои «запорожцы». А в странах, где BMW, воруют в соответствии с несколько другими навыками и умениями.

Детям, кстати, неведомо, что есть на свете сугубо демократические страны, где уличная преступность бьёт все отечественные рекорды наповал. Скажем, инкубатор нашей перестроечной организованной преступности – город Тольятти – ничем не сможет поразить колумбийский город Медельин. Больше скажу, он даже Сан-Паулу не сможет поразить. А, казалось бы, серьёзнее некуда. Есть, есть куда ещё расти и к чему стремиться.

Американец Генри Хилл излагает подробности ремесла без утайки – начиная с поджогов автостоянок конкурентов и заканчивая покражей у Люфтганзы за раз пяти миллионов долларов купюрами различного достоинства и драгоценных камней ещё на \$875 000. Я давно не общаюсь со спецкон-

тингентом, но при чтении книги постоянно смахивал слёзы умиления – настолько толковые и отчаянные парни.

В книге отлично раскрыты национальные особенности итальянской ОПГ: ключевая важность этнической принадлежности, способы построения иерархии ОПГ, примитивные, но отлично работающие способы конспирации, способы подкупа известной своей неподкупностью американской полиции, способы сбыта краденного, способы ускоренного условно-досрочного выхода на волю из неприступной американской тюрьмы, продажи наркотиков и пр., и др.

Отдельный интерес представляет описание тамошних тюрем. В родной стране существует расхожее мнение о том, что американские тюрьмы – это такая помесь советского санатория с советским же пансионатом. Мечтателей при попадании в тамошние тюрьмы ждёт культурный шок: условия содержания там более чем спартанские, нравы, как положено в нормальной тюрьме, звериные. Расовая ненависть в самых крайних проявлениях, насилие во всех формах и постоянно рядом – смерть.

Особенно вдумчиво раскрыты национальные способы работы со свидетелями: всех свидетелей итальянцы просто и без затей убивают. Нет свидетеля – нет и преступления. Почему и стоят эти самые итальянцы так крепко. Генри Хилла убить просто не успели – проявили недопустимое малодушие по отношению к другу. А ведь любому правильному пацану доподлинно известно: сегодня – кент, а завтра – мент!

В общем, интерес к жизни американских уголовников зашёл у меня так далеко, что перед вами – отличная книжка. Редкий случай – книжку смело можно читать после просмотра фильма (в правильном переводе Гоблина, конечно), и это нисколько не испортит впечатление от просмотра.

Настоятельно рекомендую к прочтению и просмотру.

Дмитрий Goblin Пучков

От автора

Я хотел бы поблагодарить за вклад в создание этой книги следующих людей: федерального прокурора Восточного округа Нью-Йорка Рэймонда Дири; помощника федерального прокурора Эдварда Макдоналда, главу бруклинской оперативной группы по борьбе с организованной преступностью и его предшественника Томаса Пуччо. Кроме того, моя особая благодарность – прокурорам по особо важным делам Оперативной группы по борьбе с организованной преступностью Джерри Бернштейну, Лауре Уорд, Дугласу Бему, Дугласу Гроверу, Майклу Гуаданьо и Лауре Бреветти; прокурору бруклинского отдела расследования убийств Джону Фейрбэнксу, а также оперативникам и агентам Дугу Левену, Марио Сессе, Томасу Суини, Стиву Карбоне, Джоэлу Коэну, Эдмундо Гевере, Артуру Донелэну, Джеймсу Каппу, Дэниелу Манну, Джеку Уолшу, Элфи Макнейлу, Бену Панцарелле, Стиву дель Корсо и Джону Уэйлзу.

Предисловие

Вторник, 22 мая 1980 года. В этот день человек по имени Генри Хилл принял решение, которое казалось ему единственно верным, – исчезнуть. Он сидел в тюрьме округа Нассау, ожидая пожизненного приговора по статье «незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере в составе организованной преступной группы». Федеральная прокуратура преследовала его за ограбление немецкой авиакомпании «Люфтганза» – это крупнейшее хищение наличных (шесть миллионов долларов) в американской истории. В затылок федералам дышала нью-йоркская полиция, желавшая допросить Хилла в связи с убийствами, которые последовали за этим ограблением. Министерство юстиции мечтало побеседовать с ним о другом убийстве, совершённом при участии Микеле Синдоны, осуждённого итальянского банкира. Оперативная группа по борьбе с организованной преступностью хотела узнать всё о договорных матчах и подкупе баскетболистов команды Бостонского колледжа. Агенты Казначейства жаждали выяснить, где находятся украденные им из арсенала Коннектикута ящики с автоматами и противопехотными минами «Клеймор». А бруклинской окружной прокуратуре не терпелось узнать, откуда в обнаруженном грузовике-рефрижераторе взялся труп, который так промёрз, что его пришлось два дня оттаивать, прежде чем

судмедэксперт смог сделать вскрытие.

Когда Генри Хилла арестовали тремя неделями ранее, это не вызвало большого ажиотажа. Ни передовиц в газетах, ни сюжетов в вечерних новостях. Его арест не стал одной из тех раздутых историй о задержании очередной многомиллионной партии наркотиков, которые полиция ежегодно скармливает СМИ в погоне за зрительскими симпатиями. Однако сам Генри Хилл был бесценным призом. Хилл вырос среди мафиози. Он никогда не занимал высоких постов, но знал о мафии всё. Он знал, как она устроена. Он знал, кто смазывает шестерёнки этого механизма. Он знал, в буквальном смысле, где закопаны трупы. Мафиози получают десятки обвинений и приговоров, если он заговорит. Кроме того, Генри Хилл прекрасно понимал, что дружки всё равно убьют его – практически все, кто был причастен к ограблению «Люфтганзы», были мертвы. Уже в тюрьме Генри узнал о том, что его покровитель Пол Варио, семидесятилетний мафиозный босс, в чьём доме Генри фактически вырос, отрёкся от него, а Джеймс Бёрк по прозвищу Джимми Джентльмен, ближайший друг и соратник, партнёр Генри по многочисленным аферам, которые они вместе проворачивали с тринадцати лет, планирует его убийство.

Учтя все обстоятельства, Генри принял решение воспользоваться Федеральной программой защиты свидетелей Минюста США. Его жена Карен и их дочери, пятнадцатилетняя Джуди и двенадцатилетняя Рут, исчезнут вместе с ним.

Они получают новые личности. Надо заметить, что исчезнуть Генри Хиллу было проще, чем обычному законопослушному гражданину, поскольку официальных документов у него практически не было. Дом записан на тещу. Машина зарегистрирована на жену. Карточки социального страхования и водительские права – несколько комплектов – все поддельные, на фальшивые имена. Он никогда не голосовал и не платил налоги. Он даже ни разу в жизни не летал на самолёте под своим настоящим именем. Фактически, кроме свидетельства о рождении, единственным документом, доказывавшим, что некий Генри Хилл реально существует, был его «жёлтый лист» – полицейский перечень арестов и задержаний. Этот список вёлся с тех самых пор, как Хилл, ещё будучи подростком, поступил в ученики к мафиози.

Через год после ареста Хилла на меня вышел его адвокат, который рассказал, что Хилл ищет человека, который взялся бы написать его историю. К тому моменту я уже опубликовал немало статей о боссах организованной преступности и, честно говоря, порядком подустал от самовлюблённого бреда необразованных громил, разыгрывающих из себя благородных «Крёстных отцов». Прежде я никогда не слышал о Генри Хилле. В моём кабинете стояли четыре ящика с каталожными карточками; на них я с маниакальным упорством делал пометки о каждой крупной или мелкой фигуре в мире оргпреступности, о которой мне удавалось найти какие-то подробности в прессе или судебных документах. Порывшись

в картотеке, я обнаружил одну-единственную запись о Генри Хилле, датированную 1970 годом, где было указано (ошибочно), что он принадлежит к мафиозному семейству Джозефа Бонанно. Однако я понял, что должен хотя бы встретиться с Генри Хиллом, потому что федералы не стали бы придавать такое значение его свидетельским показаниям, не будь он авторитетной фигурой.

Поскольку он находился под опекой Федеральной программы защиты свидетелей, перед нашей встречей были соблюдены все меры предосторожности. Мне назначили встречу с двумя федеральными маршалами у стойки авиакомпании «Бранифф» в аэропорту Ла Гуардия. Когда я прибыл на место, они уже поджидали меня с авиабилетом в руках. Спросили, не нужно ли мне в туалет. Такой вопрос от федеральных агентов меня удивил, но они пояснили, что с того момента, как мне вручат билет, и до того, как я сяду в самолёт, я должен буду находиться под их присмотром. Они не хотели рисковать: ведь я мог прочесть место назначения и дать кому-нибудь знать, куда направляюсь. Как оказалось, мой рейс был не от «Браниффа» и меня ждало несколько пересадок. Наконец, я добрался до города, в который, как я узнал позже, Хилл и его федералы-телохранители прибыли всего за пару часов до меня.

Хилл оказался удивительным человеком. Он выглядел и вёл себя совсем не так, как большинство уличных бандитов, с которыми сводила меня жизнь. Его речь была связной и

грамотной. Он иногда улыбался. И знал очень многое о тайном мире, в котором вырос, однако говорил об этом с какой-то необычной отстранённостью, зорко подмечая детали. Большинство мафиози, дававших в последние годы интервью для книг или статей в прессе, были неспособны отринуть прежний опыт и оценить собственную жизнь со стороны. Они настолько слепо следовали проторенным путём мафии, что ничего не видели, кроме него. Генри Хилл, напротив, смотрел на мир широко раскрытыми глазами. Мир мафии, в котором он вырос, приводил его в восторг, и он бережно хранил в памяти каждую подробность.

Генри Хилл был бандитом. Он был аферистом. Он строил козни, плёл интриги и проламывал черепа. Он знал, как дать взятку и как обуть лоха. Он работал в мафии на полную ставку в качестве рэкетира и громилы, он был «пара авис» – той редкой птицей, которую охотно изучают как социальные антропологи, так и полицейские. Они с друзьями называли себя «умниками». Мне кажется, его история – это уникальная возможность взглянуть на жизнь пехотинца оргпреступности изнутри, увидеть её не такой, какой её описывают либо посторонние, либо «капо ди тутти каппи» – мафиозные боссы.

Глава первая

Генри Хилл попал в мафию почти случайно. В 1955 году, когда ему было одиннадцать лет, он в поисках подработки после школы забрёл в таксопарк по адресу Пайн-стрит, 391 – это рядом с Питкин-авеню, соединяющей районы Бруклина Браунсвилл и Восточный Нью-Йорк. Одноэтажная, с серой облупившейся краской на стенах, контора таксопарка выходила фасадом на улицу практически напротив дома, в котором он жил с матерью, отцом, четырьмя старшими сёстрами и двумя братьями. Это место притягивало Генри с тех пор, как он себя помнил. Он много раз видел, как туда величаво заплывали длинные чёрные «кадиллаки» и «линкольны». Он наблюдал каменные лица пассажиров и навсегда запомнил их длинные широкие плащи. Некоторые здоровяки были так тяжелы, что, когда они выходили из машины, та заметно приподнималась на рессорах. Он замечал блестящие кольца на пальцах, изукрашенные драгоценными камнями пояса и широкие золотые браслеты, на которых красовались плоские платиновые часы.

Люди из таксопарка были не похожи на остальных жителей района. Они уже с утра облачались в шёлковые костюмы и подстилали носовой платок, если облокачивались на автомобиль, чтобы поболтать с товарищем. Он видел, как они спокойно занимали сразу два места на парковке и ни-

когда не получали штрафной талон, даже если останавливались прямо перед пожарным гидрантом. Зимой городские службы всегда сперва чистили от снега стоянку таксопарка и только потом – около школы и больницы. Летом он слышал, как там всю ночь шумно играли в карты и никто – даже вечно недовольный всем на свете сосед Хиллов мистер Манкузо – не смел жаловаться. Обитатели таксопарка были богаты. Они имели при себе толстые пачки двадцатидолларовых купюр и носили на мизинцах кольца с бриллиантами размером с грецкий орех. Их власть, богатство и размах пьянили воображение парня.

Поначалу родители Генри были очень рады, что их энергичный сын нашёл себе работу рядом с домом. Отец Генри, мистер Генри Хилл-старший, трудолюбивый электрик из строительной компании, считал, что молодые люди должны работать, чтобы узнать цену деньгам, истраченным на их воспитание. На свою зарплату электрика он содержал семерых детей, поэтому любой дополнительный доход только приветствовался. Генри Хиллу-старшему пришлось помогать матери и троим младшим братьям с двенадцати лет, когда он прибыл в США из Ирландии вскоре после смерти отца. Только работа с молодых ногтей, настаивал он, может научить молодёжь ценить деньги. По его мнению, американские подростки, в отличие от ирландских, бездельничали слишком много.

Мать Генри, Кармела Коста Хилл, тоже была довольна, что сын работает неподалёку, но совсем по другим причи-

нам. Во-первых, она знала, что это понравится отцу. Во-вторых, надеялась, что подработка после школы удержит её вспыльчивого мальчика от постоянных ссор с сёстрами. Кроме того, у неё освобождалось время для младшего сына, который родился с дефектом позвоночника и был прикован к постели и инвалидному креслу. И наконец, Кармела Хилл была очень рада – чуть не прыгала до небес, – когда узнала, что владевшая таксопарком семья Варио происходит из той же местности на Сицилии, в которой родилась она сама. Кармелу Косту привезли в США малым ребёнком; когда ей исполнилось семнадцать, она вышла замуж за соседского парня – симпатичного высокого черноволосого ирландца. Но Кармела никогда не теряла связи с родиной. Она готовила сицилийские блюда, например сама делала пасту, и познакомила мужа с анчоусным соусом и каламари – жареными кальмарами – после того, как выкинула вон все его бутылки с кетчупом. Она по-прежнему верила в чудодейственную силу некоторых западно-сицилийских святых, вроде святого Пантелеймона, избавителя от зубной боли. И, подобно многим другим иммигрантам, чувствовала, что люди, сохраняющие связь с родиной, каким-то образом связаны и с ней, Кармелой. Тот факт, что сын получил свою первую работу у земляков, пайзани, казался ответом на её самые горячие молитвы.

Впрочем, восторги родителей Генри по поводу его работы довольно быстро поутихли. Спустя всего пару месяцев об-

наружилось, что временная подработка превратилась во всепоглощающую страсть. Генри-младший постоянно торчал в таксопарке. Когда мать хотела дать ему поручение, выяснялось, что он там. Генри пропадал в таксопарке с утра перед школой и вечером после занятий. Отец спрашивал насчёт домашних заданий. «Я делаю их в таксопарке», – отвечал Генри. Мать замечала, что он перестал играть со сверстниками. «Мы играем в таксопарке», – был ответ.

Генри. Отец всегда был чем-то недоволен. Он злым уродился. Его злило, что приходится много работать за мизерную плату. Электрики, даже члены профсоюза, получали в те времена не так уж много. Он злился, что наш дом с тремя спальнями был всегда шумным из-за четырёх сестёр, двух братьев и меня. Отец постоянно орал, что хочет лишь тишины и покоя, но мы-то вели себя как мышки; единственным, кто шумел, скандалил и бил посуду о стенку, был он сам. Он злился, что мой брат Майкл родился парализованным от пояса. Но больше всего его злило то, что я постоянно пропадаю в таксопарке. «Это бандиты!» – кричал отец. «Ты влипнешь в неприятности!» – вопил он. А я притворялся, что не понимаю, о чём он толкует, и повторял, что не играю на скачках, а всего лишь мальчик на побегушках. Я клялся, что хожу в школу, хотя не появлялся там неделями. Но он никогда мне не верил. Он знал, что там происходит, и время от времени, обычно изрядно нагрузившись, лупил меня. Но меня это ма-

ло беспокоило. Всем время от времени достаётся.

В 1955 году компания «Такси и лимузины Евклид-авеню» была не просто автодиспетчерской для бруклинских районов Браунсвилл и Восточный Нью-Йорк. Там собирались игроки, юристы, букмекеры, бывшие жокеи, нарушители условий досрочного освобождения, рабочие со строек, профсоюзные деятели, местные политики, водители грузовиков, приставы, безработные официанты, ростовщики, полицейские не на службе и даже была парочка киллеров из «Корпорации убийств». Кроме того, там же располагалась штаб-квартира Пола Варио, восходящей звезды пяти мафиозных семей Нью-Йорка, крышевавшего местный рэкет. Всю свою жизнь Варио перемещался из тюрьмы на свободу и обратно. В 1921 году, в возрасте одиннадцати лет, он получил первый срок «по малолетке» и с тех пор не раз задерживался за ростовщичество, кражу, уклонение от налогов, взяточничество, букмекерство, неисполнение постановлений суда, а также за многочисленные опасные посягательства и другие правонарушения. Став старше и влиятельнее, он научился избегать обвинений, которые снимались либо в связи с неявкой свидетелей, либо потому, что добрые судьи назначали ему в качестве наказания штраф вместо тюрьмы. (Например, судья Бруклинского верховного суда Доминик Ринальди однажды приговорил Варио к штрафу в двести пятьдесят долларов за взятки в составе организованной группы, которые могли бы отправить его в тюрьму лет на пятнадцать.) Варио

всегда стремился поддерживать видимость благопристойности в своём беспокойном районе. Он терпеть не мог ненужное насилие (кроме того, которое заказывал сам), в основном потому, что оно вредило бизнесу. Разбросанные по улицам трупы создавали лишние проблемы и раздражали полицию, которая в те времена была в разумных пределах вежлива и обычно старалась не лезть в мафиозные разборки.

Пол Варио был крупным мужчиной, метр восемьдесят ростом и весом сто десять килограммов, а выглядел и того внушительнее. Толстые руки и бочкообразная грудь придавали ему сходство с борцом-сумоистом, а перемещался он в неторопливой манере большого человека, который уверен, что другие люди и события могут подождать. Он ничего не боялся и ничему не удивлялся. Если рядом «стрелял» выхлоп автомобиля или кто-то окликал его по имени, Пол Варио поворачивал голову, но не спеша. Он казался неуязвимым. Несуетливым. Излучал спокойствие, которое сопутствует абсолютной власти. При необходимости Варио был весьма проворен. Генри однажды видел, как он выхватил из машины бейсбольную биту и пять пролётов шустро гнал вверх по лестнице задержавшего оплату должника. Однако обычно Пол Варио утруждать себя не любил. В двенадцать лет Генри начал бегать по его поручениям. Вскоре он выучился приносить сигареты «Честерфилд», кофе (чёрный, без сливок и сахара) и быстро доставлять адресатам распоряжения. Занимаясь делами, они вместе колесили по городу в чёрной «Им-

пале» Пола, из которой Генри выскакивал по дюжине раз на дню. Пока Варио ждал за рулём, мальчишка приводил к нему в машину тех, с кем босс желал поговорить.

Генри. На 114-й улице в Восточном Гарлеме, где Поли возил меня по клубам, старики были подозрительны, словно черти. Они смотрели с прищуром и вели себя так, будто я коп. Наконец, один спросил Поли, кто я такой. Тот уставился на них, как на чокнутых, и сказал: «Кто он? Он мой двоюродный брат. Родная кровь». С тех пор даже эти мумии всегда мне улыбались.

Я зарабатывал и учился. Однажды Поли поручил мне прибрать его лодку и в награду не только заплатил, но и взял на рыбалку до конца дня. Всех забот было – подавать ему и другим парням на борту холодное пиво и вино. У Поли была единственная безымянная лодка во всём заливе Шипсхед-Бей. Он никогда ничему не давал имён. У него даже таблички на двери дома не было. Он не пользовался телефоном. Он ненавидел телефоны. Когда его арестовывали, он называл копам адрес матери на Хэмлок-стрит. Лодки у него были всю жизнь, и все безымянные. «Никогда и ничему не давай своего имени!» – говорил он мне. Я всегда так и делал.

Я угадывал желания Пола раньше него самого. Я знал, когда быть рядом, а когда исчезнуть. Просто чувствовал. Никто меня специально не учил. Никто не говорил: «Делай то» или «Не делай этого». Я сам всё откуда-то знал. Даже в двенадцать лет. Помню, через пару месяцев после начала моей

работы на Пола в таксопарк пришли поговорить с ним какие-то люди не из нашего квартала. Я встал, чтобы уйти. Мне не нужно было распоряжений. Там и другие парни болтались поблизости, и все мы поняли, что пора сматывать удочки. Но тут Поли взглянул на меня и увидел, что я ухожу. «Всё нормально, – сказал он, – можешь остаться». Другие парни так и ушли, я видел, что они даже обернуться боятся, но я остался тогда. Остался на двадцать пять следующих лет.

Когда Генри начал работать в таксопарке, Пол Варио безраздельно правил Браунсвиллом, словно какой-то городской раджа. В этом районе Варио контролировал практически все подпольные азартные игры, ростовщичество, профсоюзы и рэкет. Как высокопоставленный бригадир мафиозной семьи Луккезе, Варио отвечал за поддержание некоторого порядка среди самых буйных жителей города. Он сглаживал конфликты, обезвреживал давние вендетты и разрешал споры между упёртыми и гордецами. Используя своих четверых братьев в качестве представителей и партнёров, Варио тайно контролировал несколько легальных предприятий в районе, в том числе таксопарк. Ему принадлежала «Пиццерия Престо», итальянский ресторан на Питкин-авеню, сразу за углом от таксопарка. Там Генри впервые научился готовить; там же он овладел искусством быстро подбивать суммы по квитанциям, работая на подпольной лотерее Варио, которая заняла подвал ресторана под свою бухгалтерию. Кроме того, Варио

принадлежал цветочный магазин «Флорист Фонтенбло» на Фултон-стрит, в шести кварталах от таксопарка. Здесь Генри научился делать из проволоки и цветов пышные венки, которые заказывали для похорон опочивших членов городских профсоюзов.

Старший брат Варио, Ленни, в прошлом промышлял контрабандой спиртного и прославился тем, что однажды был арестован вместе с самым знаменитым Счастливым Лакки Лучано. Ныне он занимал высокий пост в профсоюзе строителей. Щёголь Ленни, неизменно в огромных солнечных очках и с тщательно отполированными ногтями, отвечал за связи Пола с местными застройщиками и менеджерами крупных строительных фирм. Все они платили ему дань деньгами или фиктивными рабочими местами, чтобы застраховать свои строительные площадки от забастовок и внезапных пожаров. Пол Варио был вторым по старшинству среди братьев. Третий, Томми Варио, тоже числился делегатом профсоюза строителей, а кроме того, несколько раз задерживался за организацию нелегального игорного бизнеса. Тони курировал букмекерские и ростовщические операции Варио на дюжинах стройплощадок. Четвёртый по старшинству, Вито Варио по прозвищу Тадди, управлял таксопарком, где работал Генри. Собственно, он и нанял парня в тот день, когда Генри впервые вошёл в ворота таксопарка. Сальваторе «Малыш» Варио, младший из братьев, руководил «бродячими» азартными играми, которые каждую ночь

(а по выходным — дважды в день) устраивались в разных местах — на съёмных квартирах, в школьных подвалах и в гаражах. Также на нём был подкуп местных полицейских, закрывавших глаза на азартные игры.

Все братья Варио были женаты и жили по соседству, у всех были дети, некоторые — в возрасте Генри. По выходным Варио обычно собирались вместе с семьями в доме матери (их отец, строительный прораб, умер, когда они были ещё очень молоды). Там они проводили день за шумными карточными играми, которые сопровождались застольем с пастой, телятиной и блюдами из курицы, непрерывно поступающими с кухни старшей миссис Варио. Генри обожал эти выходные за шумное веселье, игры и еду. Там через его жизнь маршировала бесконечная процессия друзей и родственников семейства, большинство из которых совали сложенные долларовые банкноты в карман его рубашки. В подвале дома были пинбол-автоматы, а на крыше жили голуби. Повсюду стояли присланные в подарок подносы итальянских кремовых пирожных канноли, а также глубокие блюда с лимонным льдом и мороженым джелато.

Генри. С первого дня в таксопарке я понял, что нашёл себе новый дом, — особенно после того, как выяснилось, что я наполовину сицилиец. Оглядываясь назад, я понимаю, что всё переменялось именно с того момента, когда они узнали про мою мать. Я перестал быть просто местным пареньком,

помогавшим в таксопарке. Внезапно я получил доступ в их дома. К их холодильникам. Я выполнял поручения жён братьев Варио и играл с их детьми. Они давали мне всё, что я хотел.

Ещё до моего прихода в таксопарк это место мне страшно нравилось. Я следил за ними из окна и мечтал стать таким, как они. В двенадцать лет я хотел стать бандитом. Умником. Умником быть лучше, чем президентом США. Это означало власть над людьми, лишёнными власти. Это означало привилегии в квартале рабочих, лишённых всяких привилегий. Быть умником означало ухватить бога за бороду. Я мечтал стать умником так, как другие дети мечтают стать врачами, или кинозвёздами, или пожарными, или футболистами.

Внезапно Генри обнаружил, что теперь перед ним открыты все двери. Утром по воскресеньям ему больше не нужно было стоять у местной итальянской пекарни в очереди за свежим хлебом. Владелец сам выбегал из-за прилавка, совал ему под мышку самые тёплые батоны и махал рукой вслед, провожая домой. Никто больше не парковался на подъездной дорожке у дома Генри, хотя у его отца вовсе не было автомобиля. Местные ребята даже начали помогать его матери носить покупки из магазина. Он вдруг словно оказался в удивительном волшебном мире: другого такого, куда он мог бы надеяться попасть, и близко не было.

Как позже оказалось, управляющий таксопарком Тадди

(Вито) Варио присматривал себе смышлёного и шустрого паренька уже несколько недель. Тадди потерял левую ногу на войне в Корее и, хотя он неплохо приспособился к своей инвалидности, передвигаться так проворно, как ему хотелось бы, уже не мог. Тадди нужен был помощник, чтобы мыть и чистить такси и лимузины. Ему был нужен кто-то, кто мог быстро сбегать в «Пиццерию Престо» за пирогом. Ему нужен был кто-то, кто смотался бы за несколько кварталов в принадлежащий ему крошечный бар на четыре места и принёс выручку из кассы; нужен был кто-то достаточно сообразительный, чтобы принять, ничего не перепутав, заказ на сэндвичи, и достаточно быстрый, чтобы принести кофе горячим, а пиво – холодным. Другие мальчишки, включая его сына Вито-младшего, были в этом смысле безнадёжны. Они плохо соображали. Они убегали гулять. Они жили, словно в тумане. Временами кто-то из них получал заказ, уходил за сэндвичами и просто пропадал на весь день. Тадди был нужен смышлёный парень, который понимал бы, что он делает. Парень, который хочет заработать. Парень, которому можно доверять.

Генри Хилл был идеален. Он был быстрым и умным. Он выполнял поручения скорее, чем кто-либо другой, и при этом никогда ничего не путал. За лишний доллар он чистил такси и лимузины (которые использовались для похорон, свадеб и развоза самых почётных клиентов по местам «бродячих» азартных игр Варио), а потом чистил их ещё раз,

уже бесплатно. Тадди был так доволен серьёзным подходом к делу и проворством Генри, что всего через два месяца после его поступления на работу решил научить парня парковать машины. Это был знаменательный день, когда Тадди вышел из конторы таксопарка с толстым телефонным справочником в руках – чтобы подложить его на сиденье для Генри, который иначе не мог бы смотреть в ветровое стекло, – с твёрдым намерением до конца дня обучить двенадцатилетку управляться с автомобилями. На самом деле потребовалось четыре дня, но к воскресенью Генри уже мог потихонечку припарковать такси или лимузин в узком пространстве между гидрантом и бензоколонкой. Спустя шесть месяцев Генри Хилл всю гонял по таксопарку, на публику визжа шинами и паркуясь с миллиметровой точностью, а его одноклассники с завистью и восхищением наблюдали за этим шоу из-за покосившегося деревянного забора. Однажды Генри заметил, как из-за того же забора за ним подглядывает отец, который так никогда и не научился водить. Генри ожидал, что вечером отец упомянет о новом таланте сына, однако старший Хилл съел свой ужин молча. Самому Генри, разумеется, и в голову не пришлось поднимать эту тему. О его работе в таксопарке лучше было лишнего не болтать.

Генри. Я был самым удачливым мальчишкой на свете. Люди вроде моего отца не могли этого понять, но я ощущал себя частью чего-то значительного. Я был не одинок. И со мной

обращались, как со взрослым. Я жил в фантастическом мире. Умники быстро привыкли, выходя из машины, бросать мне ключи, чтобы я припарковал их «кадди». У меня нос ещё до руля не дорос, а я уже парковал «кадиллаки»!

В двенадцать лет Генри Хилл зарабатывал больше, чем мог потратить. Поначалу он брал своих одноклассников на конные прогулки по узким тропкам болот Канарси. Или оплачивал им целый день в парке развлечений Стиплчез, в качестве вишенки на торте предлагая попрыгать с восьмидесятиметровой парашютной вышки. Довольно быстро, впрочем, одноклассники ему наскучили, а собственная щедрость начала утомлять. Он понял, что никакие скачки на взмыленных лошадях и никакие аттракционы даже рядом не стоят с теми приключениями, которые можно найти в таксопарке.

Генри. Мой отец был из тех людей, кто тяжело работает всю жизнь и при этом всегда последний в очереди за деньгами. Когда я был ребёнком, он часто называл себя «человеком подземки», а мне от этого хотелось плакать. Он был одним из создателей профсоюза электриков и получил от них венок на свои похороны. Он работал на стройках небоскрёбов Манхэттена и жилых домов Квинса, а сам так и не смог перебраться в жилище попросторнее, чем наш дом с тремя спальнями, набитый семьёю детьми, один из которых – прикованный к постели инвалид. Нам хватало денег на еду, но никогда – на что-то сверх того. При этом я видел, как все

вокруг, не только умники, ищут, где бы заработать ещё доллар-другой. Я твёрдо решил, что не стану жить, как отец. Как бы он ни орал, как бы ни колотил меня, я не слушал, что он говорит. Я, кажется, вообще его не слышал. Я был слишком занят, добывая деньги. Я учился зарабатывать.

Каждый день я узнавал что-нибудь новое. Каждый день я перехватывал доллар там или доллар здесь. Слушал рассказы про разные криминальные уловки и наблюдал, как парни поднимают на них бабки. Это происходило само собой. Я торчал в таксопарке ежедневно, а через таксопарк с утра до вечера шёл разнообразный хабар. То ящик краденых тостеров на продажу, то кашемировые шали, свистнутые прямо из грузовика, то коробки нелегальных сигарет, награбленные у ковбоя-контрабандиста, который даже не мог пойти нажаловаться копам. Скоро я начал доставлять квитанции подпольной лотереи на квартиры и дома по всему району, где сидели и подсчитывали дневную выручку люди Варио, вооружённые арифмометрами. Местные охотно сдавали семейству Варио комнаты в своих квартирах по сто пятьдесят долларов в неделю плюс оплата за телефон. Это была хорошая сделка. Умники занимали помещение всего на два-три часа ближе к вечеру, чтобы подбить сумму ставок и обвести кружками на ленте арифмометра номера победителей. Очень часто эти квартиры принадлежали родителям ребят, с которыми я учился в школе. Поначалу они удивлялись, когда я появлялся на пороге с сумкой, набитой лотерейными квитанциями.

Думали, что я пришёл поиграть с ребятами. Но очень скоро они смекали, в чём дело. Понимали, что я расту не таким, как другие мальчишки.

Заработав свои первые несколько баксов и набравшись храбрости отправиться за покупками без мамы, я посетил магазин Бенни Филдса на Питкин-авеню. Там покупали себе одежду все умники. Из магазина я вышел облачённым в тёмно-синий двубортный костюм в тонкую полоску и с такими заострёнными лацканами, что меня следовало бы арестовать за ношение холодного оружия. Я был подростком. Я страшно гордился собой. Когда я заявился домой и мать, только бросив один взгляд, закричала: «Ты вырядился, как бандит!» — я почувствовал себя ещё лучше.

К тринадцати годам Генри работал в таксопарке уже год. Он вырос в симпатичного юношу с умным открытым лицом и ослепительной улыбкой. Свои густые чёрные волосы он зачёсывал назад. Его тёмно-карие глаза были таким живыми и яркими, что просто сверкали от возбуждения. Он был ловок. Ещё в раннем детстве он научился уворачиваться от оплеух отца и как никто умел проскользнуть мимо охранников ипподрома, которые полагали, что ребёнку нечего там ошиваться, особенно в учебное время. С некоторого расстояния Генри можно было принять за почти точную мини-копию тех людей, которыми он восхищался. Он носил примерно такую же одежду; повторял их жесты и уличную распальцовку; под-

ражая им, ел морских улиток скунгили и блюда из кальмаров, хотя от такой пищи у него начинало бурчать в животе, и даже приучил себя постоянно пить чёрный, горький, ужасный на вкус и очень горячий кофе, который порой так обжигал губы, что хотелось плакать. Он выглядел таким забавным игрушечным умником, мальчишкой, вырядившимся в мафиози. Но, кроме этого, Генри учился, постоянно узнавал новое о мире мафии и относился к ученичеству гораздо серьёзнее, чем честолюбивый юный самурай или новопосвящённый буддистский монах.

Глава вторая

Генри. Я ошивался в таксопарке или окрестностях с утра до вечера и с каждым днём узнавал всё больше. В тринадцать лет я собирал квитанции для подпольной лотереи и торговал фейерверками. Я просил таксистов покупать мне упаковки пива, а потом продавал их с наваром мальчишкам на школьном дворе. Для несовершеннолетних воришек нашего района я стал кем-то вроде мини-босса. Я платил им деньги вперёд, а краденые радиоприёмники или свитера перепродавал потом другим парням из таксопарка.

Перед большими праздниками, вроде Пасхи или Дня Матери, вместо того чтобы идти в школу, я отправлялся на «обналичку» с Джонни Маццоллой. Джонни, живший рядом с нами, был одержим игрой на скачках, и перед длинными выходными брал меня с собой обналичивать двадцатки, которые он покупал у фальшивомонетчика Бэнси из Озон-парк по десять центов за доллар. Мы двигались от магазина к магазину, из одного квартала в другой, и, пока Джонни ждал в машине, я бежал в магазин и покупал что-нибудь на доллар или два, расплачиваясь поддельной купюрой. Джонни научил меня придавать им потёртый вид при помощи смеси холодного кофе и сигаретного пепла – накануне следовало вымочить фальшивки в этом составе и оставить сохнуть на ночь. Ещё он научил меня делать вид, будто я очень то-

роплюсь. А ещё – никогда не иметь при себе больше одной купюры. «Если соблюдать эти правила, то тебе будет очень легко притвориться, будто ты не при делах, а липовую двадцатку всучил тебе кто-то другой, даже если за руку поймают», – учил Джонни. И он был прав. Это работало. Меня ловили пару раз, но я всегда легко выкручивался. В конце концов, я был всего лишь ребёнком. Я начинал кричать, и плакать, и повторять, что моя мамочка обо всём узнает. Что она отлупит меня за то, что я потерял деньги. Потом я уди-рал со всех ног, прыгал в машину, и мы отбывали в соседний квартал. В одном квартале мы обычно куролесили не больше пары дней – потом фальшивки начинали всплывать в местных банках, а те предупреждали магазины. Тогда у касси-ров появлялся список номеров фальшивых банкнот, висев-ший на стенке прямо около кассы, и мы с Джонни меняли район операций. К концу дня «обналички» у нас в багажни-ке обычно громоздилось столько одно-двухдолларовых по-купок: пончиков, сигарет, бритвенных лезвий и мыла, – что они загораживали нам обзор в зеркале заднего вида.

К Рождеству Тадди научил меня сверлить дырки в стволах бросовых ёлок, которые доставались ему почти бесплатно, и втыкать туда ветки. Если как следует поработать над ни-ми, даже эти облезлые палки начинали выглядеть пышны-ми красавицами ёлками. Потом мы впаривали их задорого, обычно уже в темноте, около станции метро на Евклид-аве-ню. Через день или два ветки начинали отваливаться. Даже

быстрее, если на нашу ёлку сразу вешали игрушки.

Мы постоянно думали, на чём бы ещё навариться. Новой темой могло стать всё что угодно. Однажды Тадди устроил меня работать грузчиком в дорогой итальянский продуктовый магазин – лишь для того, чтобы я закидывал самые ценные товары в открытые окна наших такси, которые Тадди стратегически размещал поблизости. Дело было не в том, что Тадди, Ленни или Пол нуждались в этих продуктах – оливковом масле, ветчине прошутто и тунце. У семьи Варио хватало денег, чтобы при желании приобрести сотню таких магазинов. Просто краденая еда была для них в тысячу раз вкуснее купленной. Много лет спустя, когда я уже всю зарбатывал на краденых кредитках, Поли перед походом по ресторанам со своей женой Филлис всегда просил меня дать ему несколько таких карточек. Поли называл их «мальдунами» и уверял, что алкоголь, купленный на мальдуны, становится гораздо вкуснее. Наверное, многие удивятся, что Пол Варио, могущественный бригадир-капо мафиозного семейства Луккезе, отправляясь в ресторан с женой, добровольно шёл на риск попасться с краденной кредиткой. Однако, если вы хоть немного понимаете умников, вам не надо объяснять, что главным счастьем Поли было обуть лоха. Ни музыка, ни шоу, ни еда (хотя он очень любил поесть), ни даже удовольствие от общения с его обожаемой Филлис – ничто не доставляло Поли такой радости, как осознание факта, что он прямо сейчас кого-то грабит, причём совершенно безнака-

занно.

Где-то через полгода работы в таксопарке я начал помогать Варио с азартными играми. Целыми днями мы с Бруно Фаччоло собирали столы для игры в кости – точно такие же, как в Лас-Вегасе. А по ночам я возил крупных игроков из точек сбора – вроде кондитерской под эстакадой на Либерти-авеню или «Деликатесной лавки Эла и Эвелин» на Питкин-авеню – в квартиры и магазины, где в ту ночь шла игра. Пару раз игры устраивались и в моей собственной школе № 149 на Евклид-авеню. Малыш Варио подкупил школьного сторожа. Моей задачей было высматривать копов, особенно тех, что в штатском, из спецотдела или штаб-квартиры полиции, которые в то время в основном трясли азартные игры. Насчёт местной полиции можно было не беспокоиться. Она была у нас в кармане. Оказалось, что на этих «штатских» у меня нюх. Они обычно носили рубахи навыпуск, чтобы скрыть пистолеты и наручники. Всё время ездили на одних и тех же грязных «плимутах». Мы переписали все их номера. Но главным признаком был наглый вид, с которым они расхаживали или разъезжали по улицам, типа: «А ну всем сосать, я коп!». Я таких узнавал за версту. Выкупал сразу же.

Наши азартные игры были великолепны. Обычно собиралось человек тридцать-сорок. Богатеи из Швейного квартала Манхэттена. Бизнесмены. Владельцы ресторанов. Букмекеры. Профсоюзные боссы. Врачи. Дантисты. В то время нель-

зя было запросто слетать на ночь в Лас-Вегас или съездить в Атлантик-Сити, поэтому они шли к нам. А ещё к нам приходили практически все умники города. Игрой управляли профессиональные команды, но деньги контролировали братья Варио. Они вели записи и держали кассу. Профи же получали твёрдый гонорар или процент, в зависимости от договорённости. На Поли работали те же самые люди, что устраивали игры в казино или, для развлечения, на всяких мероприятиях. Карточными играми управляли дилеры, игрой в кости – боксмэны и стикмэны, как и в обычном казино. Были тут и швейцары – парни из нашего таксопарка, – которые проверяли всех пришедших; а проигравшимся всегда были готовы помочь деньгами ростовщики, тоже, разумеется, за долю малую работавшие на Пола. С каждой ставки в пользу «дома», то есть Поли, отчислялось пять-шесть процентов, а специально приглашённый бармен обеспечивал бесперебойную подачу напитков.

Моей обязанностью на играх было бегать за кофе и сэндвичами в «Деликатесную лавку Эла и Эвелин», однако вскоре я смекнул, что заработаю больше, если стану делать сэндвичи сам. Пришлось хорошенько потрудиться, зато я смог поднять несколько лишних баксов. Через пару недель Эл и Эвелин подошли ко мне на улице. Пригласили в лавку. Объяснили, что хотят поговорить. Времена нынче трудные, сказали они. Из-за моих сэндвичей они потеряли кучу заказов от игроков. У них ко мне предложение. Если я снова начну

покупать сэндвичи у них, они будут платить мне пять центов с каждого «карточного» доллара. Отличное предложение, но я не спешил соглашаться. Хотел насладиться ситуацией. Со мной вели переговоры, как со взрослым! «Ладно, – наконец буркнул Эл, не обращая внимания на хмурый взгляд Эвелин. – Семь центов за доллар». – «Хорошо», – ответил я, ощутив себя на вершине блаженства. Мой первый откат, и это в тринадцать лет!

Славные были времена. Умники спокойно разгуливали повсюду. Это был 1956 год, ещё до Апалачинского сходняка, после которого «Чокнутый» Джои Галло развязал тотальную войну, чтобы потеснить своего босса, Джо Профачи. Тогда я и познакомился с миром мафии. Тогда я встретил Джимми Бёрка. Он тоже частенько приходил к нам поиграть в карты. Ему было не больше двадцати пяти лет, но он уже стал легендой. Стоило ему войти, как все начинали сходить с ума. Он давал швейцару сотку лишь за то, что тот открыл дверь. Он совал сотни в карманы дилеров. Бармен получал свою сотню за хорошо охлаждённый лёд. Джимми был фатом. Мне он давал пятёрку за каждый принесённый сэндвич или банку пива. Два пива – две пятёрки. Выигрывал он или проигрывал – у него всегда водились деньги, и служба получала свои чаевые. Вскоре, узнав, что я с Полом и работаю на Варио, он начал давать мне за сэндвичи двадцатки. Он буквально фаршировал меня деньгами. Двдцатка здесь. Двдцатка там. Он был не такой, как все. Братья Варио и прочие итальянцы бы-

ли всё же жадноваты. Они порой раздавали доллары, но жалели их. Ненавидели терять зелень. Джимми был сделан из другого теста. Человек-праздник. Обожал лично разгружать угнанные грузовики, чтобы пот струился по лицу. Он угонял, наверное, сотню грузовиков в год, в основном те, что шли из аэропорта. Большинство угонщиков забирали у водителей их права: типа такой намёк. Водитель понимал, что теперь ты знаешь, где он живёт, и если он будет слишком откровенен с полицией или со страховой, то наживёт себе проблем. Джимми поступал так же, но взамен прав совал водиле в бумажник пятидесятидолларовую купюру – за это он и получил прозвище Джимми Джентльмен. Сколько он таким образом приобрёл себе друзей в аэропорту – и не сосчитать. Люди его любили. Водители обычно сами наводили его парней на самые жирные грузы. В какой-то момент дело запахло керосином, и копы отрядили целую армию, чтобы поймать его, да не смогли. Оказалось, что Джимми сделал всех копов своими партнёрами. Джимми умел подкупить и святого. Он часто повторял, что коррумпировать полицейских не труднее, чем кормить слонов в зоопарке: «Главное – запастись фисташками».

Джимми походил на всеми обожаемых кинозлодеев. Он и сыновей назвал в честь героев популярного фильма «Фрэнк и Джесси» – Фрэнк Джеймс Бёрк и Джесси Джеймс Бёрк. Он был крупным парнем, но передвигался очень легко. Выглядел настоящим бойцом. Со сломанным носом и крупны-

ми ручищами. Если кто-то только начинал на него наезжать, Джимми налетал, словно ураган. Хватал врага за галстук и припечатывал рожей о стол, прежде чем тот успевал понять, что произошло. Самые везучие оставались в живых. Все знали, что Джимми чокнутый. Забить кого-то до смерти ему было раз плюнуть. Это без вопросов – Джимми умел урыть человека быстрее, чем руку пожать. Ему было плевать. Он мог сесть с тобой за стол милейшим парнем в мире, а на десерт вышибить тебе мозги. Он был таким непредсказуемым, что наводил страх на самых грозных людей города. От Джимми можно было ожидать чего угодно, но при этом он был умнее большинства из тех, с кем имел дело. И умел поднимать бабки как никто. Джимми приносил Поли много денег, и, в конечном счёте, именно поэтому к его безумствам всегда относились снисходительно.

На четырнадцатый день рождения Тадди и Ленни Варио подарили Генри карточку профсоюза каменщиков. Даже тогда, в 1957 году, членство в строительном профсоюзе означало высокую зарплату (сто девяносто долларов в неделю) и хорошую медстраховку, не считая прочих приятных мелочей вроде оплачиваемых отпусков и больничных. Большинство трудяг из рабочего района дорого заплатили бы за такую карту, если бы у них хватало денег на что-нибудь, кроме еды. Впрочем, Генри сделали членом профсоюза вовсе не для работы, а для того, чтобы строительный подрядчик мог

зачислить его на фиктивное рабочее место, оплату за которое делили между собой братья Варио. Кроме того, карточка давала ему доступ на все местные стройплощадки, где он собирал с рабочих долги нелегальным ростовщикам и принимал ставки для подпольной лотереи. Генри месяцами не появлялся в школе, вместо этого он бегал по стройкам, а потом относил собранное в подвал «Пиццерии Престо», где счетоводы семьи Варио подбивали итоги нелегальных финансовых операций.

Генри. Дела шли прекрасно. Я любил стройки. Там все знали, кто я. Все знали, что я с Полом. Иногда, как члену профсоюза каменщиков, мне разрешали окатить кирпичную кладку из пожарного шланга; считалось, что так она будет прочнее. Это мне страшно нравилось. Было интересно наблюдать, как кирпичи меняют цвет под струями воды.

Однажды я заявился домой из пиццерии, а отец уже поджидал меня с ремнём в одной руке и письмом в другой. Письмо было из школы. В нём говорилось, что я не появлялся на занятиях уже несколько месяцев. А я ведь врал родителям, что хожу туда ежедневно. Даже брал с собой для вида учебники, которые потом оставлял в таксопарке. Одновременно я врал и Тадди, будто у меня уже начались каникулы и с родителями не будет проблем. В общем, я спалился, словно жонглёр, попытавшийся удержать в воздухе слишком много мячиков разом.

Тем вечером отец мне так всыпал, что на следующий день Тадди и другие парни заметили следы и потребовали объяснить, что случилось. Я рассказал. И добавил, что боюсь лишиться своей работы каменщика. Тадди велел не беспокоиться, жестами приказал сесть в машину мне и ещё паре бандитов из таксопарка и поехал разбираться. Мы колесили по району, а я гадал, что будет дальше. Наконец, Тадди остановил автомобиль. Он указал на парня, опускавшего письма в ящик на другой стороне улицы, и спросил: «Это ваш почтальон?» Я кивнул. Двое наших вдруг выпрыгнули из авто и схватили его. Я глазам своим не поверил. Среди бела дня Тадди с ребятами взяли да и похитили почтальона! Втиснутый на заднее сиденье автомобиля, он посерел от ужаса. Мне даже смотреть на него было неловко. Все молчали. Наконец, мы вернулись к пиццерии, и Тадди спросил его, знает ли он, кто я. Парень молча кивнул. Тогда Тадди спросил, знает ли он, где я живу. Тот снова кивнул. Тогда Тадди сказал, что с этого момента все письма из школы должны доставляться в пиццерию, иначе он сунет почтальона в печь ногами вперёд.

Всё, проблема была решена. Никаких больше писем от надзирателей за прогульщиками. Вообще никаких писем из школы. Фактически никаких писем ни от кого. В конце концов, пару недель спустя моя мать отправилась на почту с жалобой.

С тех пор Генри нечасто появлялся в школе. Ему это было

и не нужно. Какой смысл? Глупо сидеть на уроках, слушая про американскую демократию девятнадцатого века, когда живёшь по понятиям сицилийской мафии века восемнадцатого.

Генри. Однажды вечером, когда я был в пиццерии, на улице раздался шум. Выглянув в окно, я увидел мужчину, бежавшего по Питкин-авеню в сторону нашего ресторана и оравшего во всё горло: «Меня подстрелили!» Так я впервые увидел огнестрельное ранение. Вначале я подумал, что он несёт кусок сырого мяса, который в мясной лавке заботливо перевязали белым шпагатом, однако вблизи оказалось, что это его собственная рука. Он закрылся ею от ружейного выстрела. Наш повар, старый Ларри Билелло, отсидевший двадцать пять лет за убийство копа, крикнул, чтобы я запер дверь. Я так и сделал. Я уже знал, что Поли не одобряет, когда кто-то умирает в его ресторане. Впустить раненого мы не могли, поэтому я схватил стул и вынес на улицу, чтобы парень мог присесть, ожидая прибытия скорой помощи. Потом снял свой передник и обмотал ему руку, пытаюсь остановить кровь. Это мало помогло – передник промок насквозь за несколько секунд. Я сходил в ресторан и принёс ещё несколько передников. К прибытию скорой раненый был практически мёртв. Когда суматоха улеглась, Ларри Билелло всыпал мне по первое число. Он обозвал меня сопляком. Идиотом. Сказал, что я зря испортил кучу передников, и я

помню, как почувствовал себя виноватым. Я чувствовал, что он, возможно, прав.

Примерно в то же время один парень открыл таксопарк рядом с нашим, за углом, на Гленмор-авеню. Назвал его «Такси Ребел». Он был настоящей деревенщиной, откуда-то из Алабамы или из Теннесси. Демобилизовался из армии и вообразил, будто может открыть здесь свой бизнес и конкурировать с Тадди лишь потому, что женился на местной девочке. Он снизил цены. Он вкалывал круглые сутки. Он ввел специальные скидки для людей, ехавших от метро и последней автобусной остановки на Либерти-авеню в отдалённые районы Ховард-Бич и Рокавей. То ли он не знал, как здесь делаются дела, то ли просто был идиотом. Тадди подослал к нему людей поговорить. Они доложили, что парень упёрся. Тадди пошёл разговаривать сам. Объяснил, что для двух таксопарков здесь работы не хватит. Может, это было и не совсем так, но Тадди уже обозлился и просто не желал его видеть в своём районе. После того разговора Тадди был целый день вне себя и шпынял всех вокруг. Наконец, он позвал меня и велел прийти в наш таксопарк после полуночи. Я не верил своему счастью. От возбуждения не мог дожждаться ночи, только об этом и думал. Было ясно, что Тадди что-то затеял против «Такси Ребел», но что именно, я не знал.

Когда я пришёл в таксопарк, Тадди меня уже ждал. В багажнике его машины лежала двадцатилитровая канистра бензина. Мы немного покатались по улицам, дожидаясь, по-

ка в офисе «Такси Ребел» на Гленмор-авеню погаснут огни. Тогда Тадди вручил мне молоток с обёрнутой в тряпку головкой и кивнул на припаркованные автомобили. Я подошёл к первому такси «Ребел», зажмурился и ударил. Брызнуло стекло. Я перешёл к следующей машине и повторил процедуру. Тадди тем временем сминал газеты и поливал их из канистры. Пропитанные бензином комки бумаги он закидывал в машины через выбитые мной окна.

Закончив дело, Тадди подхватил пустую канистру и изо всех сил заковылял прочь. Ходил он нормально, но, когда пытался бежать, становилось заметно, что у него нет ноги. Он объяснил, что нет смысла нам обоим торчать посреди улицы с канистрой в руках, когда начнётся пожар. Тадди сунул мне пригоршню бумажных спичек и велел дожидаться, пока он не подаст сигнал с угла улицы. Увидев, наконец, взмах руки, я зажёг первую спичку. Потом, как меня учили, подпалил всю упаковку. Швырнул её через окно в машину и быстро отбежал, на случай вспышки паров бензина. Поджёг другую книжечку и бросил её во вторую машину, потом в третью... Я был у четвёртой машины, когда взорвалась первая. Остальных взрывов я не видел, так как драпанул без оглядки. На углу меня поджидал Тадди, освещённый заревом пожара. Он яростно махал мне пустой канистрой, словно тренер, подгоняющий бегуна на дистанции, будто мне нужны были напоминания, что пора сматываться.

В первый раз Генри арестовали в шестнадцать лет. Тадди дал ему и Ленни, пятнадцатилетнему сыну Пола, кредитную карту «Тексако» и велел купить зимнюю резину для автомобиля его жены на автозаправке, что на углу бульвара Линден и Пенсильвания-авеню.

Генри. Тадди даже не проверил, краденая кредитка или нет. Он просто послал нас на ту заправку, где с нами уже не первый раз имели дело. Если бы я знал, что карточка краденая, я всё равно мог бы на ней заработать. Если бы я знал, что она «горячая», мог бы, например, отдать её заправщику: «На вот, получи премию пятьдесят баксов за возврат, половину отдашь мне». Даже на плохой краденной карте можно срубить денег, хотя, конечно, никакой зимней резины Тадди тогда не получил бы.

Вместо этого мы с Ленни просто приехали на заправку и купили шины. Продавец сказал, что ему нужен примерно час, чтобы установить их на диски. Окей, мы расплатились картой и поехали кататься по району. Когда вернулись, нас уже поджидали копы. Они спрятались у входа. Стоило мне войти в магазин, два опера выскочили и сказали, что я арестован. Ленни смылся. Копы заковали меня в наручники и отвезли в участок на Либерти-авеню. Там меня сунули в обезьянник, и я принялся разыгрывать из себя умника. «Меня выпустят через час, – заявил я копам. – Я невиновен». Выступил в точности как Джордж Рафт в роли бандита. Тадди

и Ленни всегда учили меня не откровенничать с копами. Не болтать им лишнего. В какой-то момент один из копов предложил мне подписать протокол. С ума сошёл, что ли. «Ничего не стану подписывать», – объявил я. Тадди и Ленни говорили, что копам можно назвать лишь своё имя, и поначалу полицейские не могли поверить, что меня зовут Генри Хилл. Я схлопотал по морде от одного из них – он считал, что у мальчишки, якшающегося с такими людьми, не может быть фамилии Хилл.

Меньше чем через час в участке объявился Луис Деленхаузер. «Луи Антикоп», наш адвокат. Ленни побежал прямо в таксопарк и рассказал, что меня взяли на «горячей» кредитке. Тогда они послали Луи. Он обо всём позаботился. Как только копы отвели меня в суд, чтобы предъявить обвинение, судья назначил залог в пятьсот долларов, деньги были тут же уплачены, и меня освободили. Выйдя из зала заседаний, я увидел, что все Варио ждут меня в вестибюле. Кроме Поли, который отбывал тридцать суток за неуважение к суду. Но все остальные были здесь, и они начали смеяться, целовать меня, обнимать и хлопать по спине. Словно я сдал выпускной экзамен. «Ты сломал целку! Сломал целку!» – орал Тадди. Это было большое событие. После суда Ленни, Большой Ленни и Тадди отвели меня в устричный бар «У Винсента» в Маленькой Италии, чтобы угостить скунгили и вином. Устроили настоящий праздник. Потом мы вернулись в таксопарк и продолжили отмечать там.

Два месяца спустя Луи Антикоп добился мягкого приговора – шесть месяцев условно за «попытку» мелкого воровства. Возможно, удалось бы обойтись наказанием и полегче. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было довольно глупо, так как начал заполняться «жёлтый лист», однако в те времена условный приговор считался полной ерундой. А ещё я был очень благодарен умникам за оплату адвоката, благодаря чему отец и мать так и не узнали о моём первом аресте.

Но с тех пор я начал нервничать. Отец становился всё подозрительнее. Когда я обнаружил у нас в подвале пистолет, то отнёс его в таксопарк, чтобы показать Тадди, а потом вернул оружие обратно. Пару раз Тадди говорил, что ему нужно одолжить пистолет для своих друзей. Я не хотел его одалживать, однако и говорить Тадди «нет» тоже не хотел. Кончилось тем, что я начал «одалживать» Тадди пистолет каждый день или два. Потом я заворачивал его в тряпицу точно так же, как было, и клал обратно на полочку за трубами в подвале. Однажды я пришёл в очередной раз взять пистолет для Тадди и обнаружил, что оружия на месте нет. Отец наверняка догадался обо всём. Он ни слова не сказал, но я понял, что он знает. Это было мучительно, словно ждать казни на электрическом стуле.

Мне было почти семнадцать. Я пошёл на призывной пункт и попытался записаться в армию. Мне казалось, что это хороший способ избавиться от подозрений отца и одновременно не говорить Тадди и Полу, как они меня достали. В при-

зывном пункте мне сказали, что надо дождаться полных семнадцати лет, а потом приходить с отцом или опекуном, чтобы они одобрили вербовку. Я пошёл домой и поговорил с отцом. Сказал, что хочу записаться в воздушный десант. Что он должен подписать моё заявление. Он обрадовался, позвал мать и всю семью. Мать переживала, но отец был совершенно счастлив. В день семнадцатилетия я отправился в призывной пункт на Декалб-авеню и записался в армию.

На следующий день я пошёл в таксопарк и рассказал обо всём Тадди. Он подумал, что я спятил. Сказал, что позовёт Пола. Вскоре явился очень озабоченный Поли. Он выгнал всех из комнаты, усадил меня напротив, посмотрел мне в глаза и спросил, что не так. Может, есть что-то, о чём я умалчиваю? «Нет», – ответил я. «Ты уверен?» – спросил он. «Ага», – ответил я. Он задумался. Мы сидели в конторе таксопарка, набитого умниками. Два автомобиля с телохранителями ждали Пола на улице. Здесь было безопаснее, чем в склепе, но он всё равно заговорил шёпотом. Сказал, что, если я передумаю, он готов решить вопрос с призывом. Выкупить моё заявление. «Нет, спасибо», – ответил я. – Это всё равно что отсидеть».

Глава третья

Генри Хилл родился 11 июня 1943 года. В то время Браунсвилл представлял собой рабочий район площадью около шестнадцати квадратных километров, застроенный скромными одно- и двухэтажными домами и предприятиями лёгкой промышленности. Он протянулся от похожих на парки кладбищ на севере до солёных болот Канарси и мусорных свалок Джамейка-Бей на юге. В начале двадцатых годов пущенные сюда троллейбусные маршруты и железнодорожная эстакада Либерти-авеню превратили район в настоящий рай для десятков тысяч иммигрантов из Италии и евреев из Восточной Европы, которые были счастливы бежать из убогих съёмных каморок Малбери-стрит и Нижнего Ист-Сайда на Манхэттене. Широкие, прямые, залитые солнцем улицы Браунсвилла предлагали только маленькие домишки с крошечными двориками, но итальянские и еврейские иммигранты первого и второго поколения так страстно желали обладать ими, что готовы были вкалывать день и ночь на разбросанных по району потогонных фабриках.

Помимо трудолюбивых мигрантов в новые районы потянулись личности менее приятные – еврейские бандиты, вымогатели «Чёрной руки», похитители людей из неаполитанской Каморры и, разумеется, изворотливые сицилийские мафиози. Во многих отношениях Браунсвилл стал идеальным

районом для организованной преступности. Тут даже общая историческая атмосфера этому способствовала. Ещё в начале двадцатого столетия нью-йоркская «Трибьюн» описывала эти места как заповедник для разбойников и головорезов, отмечая, что «здесьняя почва всегда взращивала разнообразных радикалов и смутьянов». Во времена сухого закона близость района к сухопутным маршрутам доставки спиртного с Лонг-Айленда вкупе с бесчисленными бухточками и причалами вдоль побережья Джамейка-Бей превратила его в мечту контрабандистов и пристанище для грабителей. Здесь впервые начали формироваться мультиэтнические союзы бандитов, которые позже стали образцами для организованных преступных групп по всей Америке. Усеявшие район маленькие текстильные и швейные предприятия быстро стали привлекательной мишенью для вымогательства и откатов, а бурный расцвет ипподромов «Джамейка», «Белмонт» и «Акведук» только повышал интерес мафии к этому району. В сороковых годах две тысячи гектаров Айдлуайлдского гольф-клуба преобразовались в аэропорт Кеннеди, в котором работали до тридцати тысяч сотрудников и обслуживались миллионы пассажиров и многомиллиардные потоки грузов, что превратило его в один из крупнейших источников дохода для местных бандитов.

Браунсвилл приветствовал успешных мафиози так же, как в элитной военной академии Вест-Пойнт чествуют победоносных генералов. Здесь была родина знаменитой «Корпо-

рации убийств»; кондитерская «Миднайт Роуз» на углу Ливония-авеню и Саратога-авеню, где киллеры из «Корпорации» встречались с заказчиками, в молодые годы Генри считалась местной достопримечательностью. Бандиты Джонни Торрио и Аль Капоне тоже росли здесь, прежде чем отправиться на Запад США со своими «томми-ганами». Героями детства Генри были такие типы, как Бенджамин «Багси» Сигел, объединившийся с Меером Лански, чтобы создать Лас-Вегас; Луис «Лепке» Бухальтер, чей профсоюз мускулистых закройщиков контролировал всю швейную индустрию; Фрэнк Костелло, обладавший таким мощным политическим влиянием, что судьи звонили ему с благодарностями за назначение; Отто «Аббадабба» Берман, математический гений и король подпольных лотерей, придумавший, как подделывать результаты тотализатора на ипподроме так, чтобы выигрывали наименее вероятные ставки; Вито Дженовезе, стильный рэкети́р, отправивший две сотни лимузинов, включая восемьдесят машин с цветами, на похороны своей первой жены в 1931 году, которого «Нью-Йорк Таймс» аттестовала как «молодого богатого ресторатора и импортёра»; Гаэтано «Трёхпалый Браун» Луккезе, возглавлявший мафиозную семью, в которую входили братья Варио. И, разумеется, легендарные члены «Корпорации убийств»: щёголь Гарри «Питтсбург Фил» Страусс, гордившийся своим умением подобраться к жертве в кинотеатре и убить одним ударом узкого ножа в ухо, да так ловко, что никто ничего не замечал; Фрэнк «Да-

шер» Аббандандо, который всего за год до рождения Генри с ехидной усмешкой отправился на электрический стул, и стотридцатикилограммовый Вито «Соко» Гурино, толстый убийца с бычьей шеей, для тренировки отстреливавший головы курам на своём заднем дворе.

На улицах все знали, что банда Пола Варио – одна из самых сильных и опасных в городе. В Браунсвилле убийств всегда было много, а с шестидесятых по семидесятые именно бойцы Варио исполняли большую часть грязной работы для остальных членов семьи Луккеше. Постоянно требовалось то избить забастовщиков, то нажать на задолжавшего бизнесмена, то приструнить мелкую банду, а то и устранить опасного свидетеля или стукача. В таксопарке имелись для этого крутые парни вроде Бруно Фаччоло, Фрэнка Манцо или Джои Руссо, всегда готовые по первому приказу Пола расшибить парочку голов; а для более серьёзных дел – молодые стрелки вроде Джимми Бёрка, Энтони Стабиле и Томми Де Симоне, которые охотно брались за самые жестокие поручения. Впрочем, это не было основной их работой; практически все умники были так или иначе заняты в каком-то бизнесе. Они имели доли в разных предприятиях. Они управляли небольшими транспортными компаниями. Они владели ресторанами. Например, Джимми Бёрк был угонщиком, но ему же принадлежали доли в нескольких потогонных швейных фабриках в Куинсе. Бруно Фаччоло владел небольшим ресторанчиком на десять столиков «У Бруно» и очень гор-

дился своими мясными соусами. Фрэнк Манцо по прозвищу Фрэнки Макаронник владел рестораном «Вилла Капра» в Седархёрсте, а также до своего первого приговора по особо тяжкому был активистом в профсоюзе плотников. Крепко скроенный молодой человек Джои Руссо подрабатывал на стройках и водителем такси.

Генри Хилл, Джимми Бёрк, Томми Де Симоне, Энтони Стабиле, Томми Стабиле, Толстяк Энди, Фрэнки Макаронник, Фредди Безносый, Эдди Финелли, Пит Убийца, Майк Францезе, Ники Бланда, Бобби Дантист (прозванный так за то, что всегда вышибал зубы, когда кого-то бил), Энджелло Руджьеро, Клайд Брукс, Дэнни Риццо, Энджелло Сепе, Алекс и Майкл Корчоне, Бруно Фачоло и остальные уличные солдаты Пола Варио жили, ни в чём себя не ограничивая. Они всегда были вне закона. Они были детьми из бедных кварталов, вечно влипавшими в неприятности. Ещё подростками они попали под прицел полицейских, которые избивали их каждый раз, когда приключались кража со взломом или нападение, заставлявшие местных копов пошевеливаться.

Когда они подросли, избиения почти прекратились, но практически всё время они так или иначе оставались под надзором полиции. И постоянно находились под подозрением, арестом или обвинением за какое-нибудь преступление. С юного возраста Генри и его друзья привыкли регулярно являться к надзирающим офицерам. Их так часто задерживали

и допрашивали по такому количеству правонарушений, что в полицейском участке для них не осталось ничего страшного или загадочного. Они знали процедуру от и до. Они лучше многих юристов представляли, как далеко могут зайти копы. Они досконально знали различия между задержанием, арестом и обвинением. Они знали всё о залогах, слушаниях и приговорах. Когда их «брали», неважно за что – драку в баре или многомиллиардную торговлю наркотиками в составе организованной группы, – они, как правило, лично знали полицейских, проводивших задержание. Они помнили наизусть секретные телефоны своих адвокатов и поручителей. Нередко сами же полицейские и звонили по этим номерам, зная, что небольшая любезность обеспечит им сотню-другую долларов чаевых.

Для Генри и его друзей-умников мир был устроен идеально. Их прикрывали со всех сторон. Они были среди криминалитета как рыба в воде, а посторонних считали своей добычей. Жить иначе было просто глупо. Люди, покорно стоящие в очереди за зарплатой, были недостойны даже презрения. Эти трудяги – те, кто следовал правилам, вкалывал задёшево, беспокоился о счетах, копил центы на чёрный день, знал своё место и зачёркивал рабочие дни в календаре на кухне, словно узник, ждущий освобождения, – считались идиотами. Они были робкими, законопослушными, мечтающими о пенсии существами, кастрированными с самого рождения и покорно ждущими своей очереди умереть. Хотя для

умников эти работяги были уже мертвы. Генри и его друзья давным-давно отвергли безопасность и относительное спокойствие, которые дарует подчинение закону. Они наслаждались его ежедневным нарушением. Жили без страховки. Они хотели денег, они жаждали власти и были готовы на всё, чтобы получить и то и другое.

По рождению, разумеется, им не досталось ничего для удовлетворения этих страстей. Они не были самыми умными детьми в квартале. И, конечно, не были самыми богатыми. Они даже не были самыми сильными. Фактически у них не было никаких талантов, которые помогли бы удовлетворить их запросы и воплотить мечты, за исключением одного – таланта к насилию. Насилие было у них в крови. Оно двигало ими. Сломать человеку руку, переломать все рёбра свинцовой трубой, расплющить пальцы дверью машины или даже походя отнять жизнь было для них раз плюнуть. Обычное дело. Регулярные упражнения. Их готовность к немедленным действиям и тот факт, что люди опасались их показной жестокости, гарантировали обладание властью; всеобщая уверенность окружающих, что умники бесспорно готовы отнять чужую жизнь, по иронии судьбы, сохраняла жизнь им самим. Это отличало их от всех остальных. Они были способны на всё. Они могли сунуть ствол пистолета в рот жертвы и смотреть ей в глаза, спуская курок. Если им кто-то мешал, возражал, спорил, оскорблял, любым способом перечил или даже просто слегка раздражал, это требовало немедленного воз-

даяния, и насилие всегда было их ответом.

В Браунсвилле умников не просто терпели – их защищали. Даже законопослушные члены общества – торговцы, учителя, телефонисты, сборщики мусора, автобусные диспетчеры, домохозяйки и старики, греющие косточки на лавочках вдоль Кондуит-драйв, – все они держали глаза широко открытыми, чтобы защитить «своих» бандитов. Большинство местных жителей, даже те, кто не был непосредственно связан с умниками узами крови или брака, знали их с детства. Вместе ходили в школу. Имели общих друзей. Все соседи кивали друг другу при встрече. В этом районе было немыслимо предать своих старых друзей, даже тех старых друзей, которые выросли в рэкетирах.

Исключительная замкнутость контролируемых мафией из Старого Света районов – будь то Браунсвилл в Нью-Йорке, Саутсайд в Чикаго или Федерал Хилл в Провиденсе, Род-Айленд – бесспорно, служила богатой питательной средой для организованной преступности. Это были такие места, где умники чувствовали себя в безопасности; где рэкетиры считались неотъемлемой частью социума; где кондитерские, похоронные бюро и продуктовые лавочки были зачастую прикрытием для нелегальных азартных игр; где выдавали займы и делали ставки; где местные жители охотнее покупали товары с припаркованных на углу грузовиков, чем в магазинах.

Жизнь под крылом у мафии давала кое-какие преимущества. Уличные грабежи, кражи со взломом, воровство сумок

и кошельков, изнасилования в этих районах были сведены практически к нулю. Слишком много глаз вокруг. Природная подозрительность местных была так высока, что любой пришлый немедленно становился объектом для пристального наблюдения, за ним следили на каждой улице, а порой и из каждого дома. Малейшего нарушения привычных уличных ритуалов было достаточно, чтобы послать дрожь беспокойства по всей паутине кабаков и хаз, где тусовались мафиози. Незнакомый автомобиль на улице; фургон с разнорабочими, которых никто здесь прежде не видел; мусорщики, вдруг начавшие опустошать баки в необычный для них день, — именно такого рода сигналы немедленно включали по всему району не слышимые посторонним сирены тревоги.

Генри. Весь район был постоянно начеку. Это было его нормальным состоянием. Выходя на улицу, ты всегда смотришь по сторонам. Направо. Потом налево. Неважно, насколько пустынным кажется квартал — никто никого не упускает из виду. Однажды вечером, вскоре после того, как мне исполнилось семнадцать, я работал в пиццерии и мечтал о десантных войсках, как вдруг заметил, что парочка ребят Поли отодвинули свои чашки с кофе и подошли к окну пиццерии. Я пошёл вслед за ними.

Питкин-авеню была почти пуста. Только жившая неподалёку Тереза Бивона шла домой от станции метро на Евклид-авеню. Ещё трое или четверо вышедших вместе с ней

из метро местных работяг, которых мы знали или по крайней мере регулярно видели, направлялись в сторону Блейк и Гленмор-авеню. А потом я заметил чернокожего подростка в свитере и джинсах, которого здесь никто не знал.

Парень тут же стал объектом пристального наблюдения многих пар глаз. Он шёл очень медленно. Двигался вдоль бровки тротуара, заглядывая в окна припаркованных машин. Время от времени он притворялся, будто рассматривает витрины, хотя все магазины были уже закрыты. Да и в любом случае в тех витринах – лавка мясника и химчистка – не было ничего, что могло бы его заинтересовать.

Он зашагал быстрее. Не знаю, почувствовала ли Тереза, что кто-то идёт за ней метрах в пятнадцати позади. На той стороне улицы бар «У Бранко» выглядел совершенно пустым, но я знал, что там сидит Пити Бёрнс и тоже смотрит. Он всегда так сидел, прислонившись спиной к стене и глядя на улицу, пока заведение не закрывалось в два часа ночи. Наверняка следили за чужаком и парни из клуба Пита «Убийцы» Аббананте на Кресент-стрит. Кроме того, в одном из припаркованных на улице автомобилей сидели бойцы Поли – Фрэнк Сорас, которого позже убили, и его приятель Эдди Барберра, отбывающий сейчас двадцать лет за ограбление банка. Я знал, что они вооружены, потому что их работой было провожать домой и охранять от ограбления тех, кому повезло сорвать куш в азартных играх у Малыша.

Парню, преследовавшему Терезу, улица, наверное, пока-

залась совершенно безлюдной, потому что он перестал оглядываться. Просто зашагал ещё быстрее. А пока Тереза искала в сумочке ключи, побежал. Всё произошло очень быстро. Когда она уже зашла в дом, он оказался прямо позади неё и успел вытянуть руку, чтобы не дать двери захлопнуться. Потом они оба скрылись из виду.

К тому времени, когда я добрался до места происшествия, всё было кончено. Парень, полагаю, достал нож и приставил его к лицу Терезы, но я ничего этого не видел. Всё, что мне было видно, – это спины. В холл ещё до моего прихода набилось тонны три умников. Они уже вынесли входную дверь. Их столько столпилось в холле и на лестнице, что те казались резиновыми. Тереза стояла у стены, прижавшись спиной к почтовым ящикам. От парня виднелись только макушка головы и рукав свитера. Потом его унесло потоком тел, рук и проклятий – вверх по лестнице и прочь из моего поля зрения.

Я подался назад и вышел из дома. Некоторые из наших уже стояли снаружи, ожидая развязки. Я перешёл на другую сторону, обернулся и посмотрел вверх. С моего места был виден только низенький кирпичный парапет, огораживающий крышу здания, а затем через него перебросили того парня. На миг он повис в воздухе, размахивая руками, как подбитый вертолёт, а потом рухнул вниз и забрызгал собой всю улицу.

Генри Хилл отправился служить десантником через несколько дней после своего семнадцатого дня рождения, и это оказался очень удачный момент, чтобы убраться с улиц Нью-Йорка. На них стало опасно, повсюду царил хаос. Расследование, которое власти начали после знаменитого Аппалачинского сходняка мафии в ноябре 1957 года, набрало обороты. Шеф ФБР Эдгар Гувер, двадцать пять лет твердивший, что никакой мафии не существует, вдруг прозрел и объявил, что организованная преступность ежегодно наносит обществу ущерб в двадцать два миллиарда долларов. Сенат США начал собственное расследование связей мафии с профсоюзами и бизнесменами и обнародовал общенациональный список из почти полутысячи имён бандитов, включая членов пяти криминальных семей Нью-Йорка. Генри видел в газете неполный список членов семьи Луккеше: правда, Поли среди них не оказалось.

Генри Хиллу полюбилась армия. Он служил в Форт-Брэге, в штате Северная Каролина. Прежде он не покидал улиц Нью-Йорка, даже не ездил на пикники за город. Он не умел плавать. Он никогда не жил в палатке и не разводил огня (не считая преступных поджогов). Его товарищи по учебке постоянно ныли и жаловались; ему же армия казалась чем-то вроде летнего лагеря. В ней ему нравилось практически всё. Нравилась тягота военной подготовки. Нравилась еда. Нравилась даже прыжки с парашютом.

Генри. Я не планировал этого, но оказалось, что в армии тоже можно поднимать бабло. Я вызвался отвечать за наряды по кухне и сделал целое состояние, продавая излишки продуктов. Армия постоянно закупала их больше, чем нужно. Это был просто позор какой-то. Они заказывали двести пятьдесят порций на двести человек. По выходным из этих двух сотен в лагере оставалось едва шесть десятков новобранцев, но продуктов всё равно привозили на двести пятьдесят. Кому-то надо было об этом позаботиться. Пока я этим не занялся, дежурные просто выбрасывали лишние продукты. Я глазам своим поверить не мог. Для начала я начал таскать оттуда коробки со стейками, килограммов эдак на пятнадцать каждая, и отвозить их в рестораны и гостиницы Беннетсвилла и Макколла в Южной Каролине. Заведениям это пришлось по вкусу. Вскоре я начал сбывать им всё подряд. Яйца. Масло. Майонез. Кетчуп. Даже соль и перец. Я продавал продукты, а потом ещё и бесплатно гулял там всю ночь напролёт.

Всё приходилось делать самому. Я поверить не мог, до чего ленивы окружающие. Никто даже пальцем о палец ударить не хотел. Я начал давать им взаймы. Солдатам платили дважды в месяц – первого и пятнадцатого числа. Перед самой получкой они всегда оказывались без денег. Я брал десять баксов за пять, если получка откладывалась из-за выходных. Девять за пять – во всех остальных случаях. Я начал устраивать азартные игры в карты и кости. Проигравшимся сам

же выдавал ссуды. Моими любимыми днями были дни выплаты жалованья, когда солдатики становились в очередь за деньгами, а я пристраивался у самой кассы и тут же получал с них, что мне причиталось. Это было изящно. Главное, гоняться ни за кем не нужно.

Я не терял связи с Поли и Тадди. Они даже пару раз помогали мне деньгами, когда в этом была нужда. Однажды я подрался в баре с каким-то фермером и угодил за решётку. Поли пришлось внести за меня залог. Я не мог попросить родителей – они бы не поняли. Зато Поли понимал всё. Примерно через полгода в учебке я подговорил сержанта выписать мне фальшивый двойной наряд на кухню, сел в машину и за восемь с половиной часов доехал до Нью-Йорка. Это было круто. Припарковавшись у пиццерии, я вдруг ощутил, как скучал по всему этому. Все наши тусовались неподалёку. Они встретили меня, словно героя. Они прикалывались над моей формой и причёской. Тадди шутил, что я был в сказочной армии – нам даже боевых патронов не выдавали. Я привёз с собой кучу спиртного из офицерского клуба и самогонный виски. В армии чудесно, сказал я им. Пообещал, что буду заезжать домой почаще с запасом нелегальных сигарет и фейерверков, которые продавались прямо с грузовиков. Поли улыбался. Он гордился мной. Сказал, что хочет сделать мне подарок. Устроил из вручения целую церемонию. Это было для него необычно, поэтому все пришли посмотреть. Он вручил мне коробку в подарочной упаковке и

заставил вскрыть её при всех. Парни притихли. Я развернул бумагу и обнаружил внутри огромное зеркало заднего вида, из тех, которыми пользовались водители грузовиков, чтобы улучшить обзор. Шириной, наверное, почти метр.

– Поставь его в машину, – сказал Поли. – Поможет тебе вовремя заметить «хвост».

Глава четвёртая

В 1963 году Генри вернулся на улицы Нью-Йорка. Его поездки домой становились всё чаще, особенно с тех пор, как новый командир роты сменил наряд по кухне. Заведовавший пищеблоком сержант отбыл в другую часть, «забыв» вернуть Генри почти полторы тысячи баксов долга. Мало того, меньше чем за полгода до дембеля Генри подрался в баре с тремя морпехами. Он был пьян. Он обзывал их кувшиноголовыми и лопаухими. В итоге весь пол кабака был усыпан битыми бутылками и осколками зеркал. В заведении не осталось ни одной рубашки цвета хаки и ни одного белого передника, не заляпанных кровью. Когда на место побоища прибыл шериф городка Макколл, там царил такой хаос, что никто даже не заметил, как пьяный Генри, спотыкаясь, вышел из бара и уехал на машине шерифа. Командиру роты пришлось командировать из Форт-Брэгга капеллана, который, заручившись поддержкой троих бруклинских военных полицейских, заявился на Питкин-авеню, чтобы вернуть Генри в часть. Так и вышло, что последние два месяца своей военной карьеры Генри провёл в гарнизонной тюрьме. На это время он был лишён зарплаты и премиальных. И разжалован из рядовых первого класса. В мире Генри, разумеется, всё это воспринималось совершенно иначе – отсидеть на гарнизонной гауптвахте было почти так же престижно, как отбыть срок в фе-

деральной тюрьме.

Генри. Когда я вернулся из армии, Ленни, сыну Поли, было около шестнадцати, но выглядел он на все двадцать. Как и его отец, он уродился крупным парнем. Шея и плечи как у футбольного форварда. Он был любимцем отца. Поли явно ставил его выше двух старших сыновей – Пола-джуниора и Питера. Ленни Варио был очень смыслёным. Когда я демобилизовался, Поли отбывал шесть месяцев за неподчинение суду, и Ленни как-то сам собой прибился ко мне. Он работал в нашей пиццерии, но большую часть времени, кажется, тратил на споры с дядями и братьями. В отсутствие Поли и те и другие пытались командовать его младшим сыном, но Ленни, даже будучи в сущности ещё пацаном, смело посылал их всех лесом. И каждый раз, когда Поли слышал об этом, мальчишка начинал ему нравиться ещё больше. Поли был готов на всё ради этого парня. Чувствовал, что Ленни далеко пойдёт. Что у него хватит характера со временем возглавить банду Поли. А может быть, кто знает, и всю семью. Поли прочил Ленни большое будущее.

После моего возвращения из армии временно оставшийся без отца Ленни очень ко мне привязался. Куда я, туда и он. Я был старше года на четыре, но мы стали не разлей вода. Были вместе двадцать четыре часа в сутки. Его братья, с которыми я тоже очень дружил, только радовались, что я забрал у них с рук долой беспокойного младшенького. Кро-

ме того, мне нужно было найти себе работу. Я больше не хотел горбатиться в таксопарке или бегать на посылках у Тадди и других. Ленни стал моим счастливым билетом. Никто об этом прямо не говорил, но Поли понял, что я могу приглядывать за Ленни, а следовательно, что получал Ленни, то получал и я. Вскоре я узнал, что Поли организовал Ленни местечко в профсоюзе каменщиков с зарплатой сто тридцать пять баксов в неделю. Парню ещё и шестнадцати не исполнилось, а ему уже дали настоящую мужскую работу. Но Ленни объявил, что без меня никуда не пойдёт. Так что я тоже получил место в профсоюзе каменщиков с зарплатой сто тридцать пять в неделю. Мне было всего двадцать лет. Поли, не забывая, всё это время сидел в тюрьме, но даже оттуда он смог организовать нам работу, о которой большинство взрослых работяг из нашего квартала могли только мечтать.

Как я узнал позже, Поли заставил главу профсоюза каменщиков Бобби Сколу надавить на парочку застройщиков, чтобы они приняли нас с Ленни на работу. Потом он оформил нас учениками и выдал членские карточки профсоюза. За время службы в армии я отдалился от отца, однако тот был совершенно счастлив, что я стал каменщиком. Он обожал строительные профсоюзы. Все его друзья и знакомые были строителями. Большинство наших соседей по кварталу были строителями. Это была, с его точки зрения, нормальная работа для нормальных людей. Но лично я не собирался всю жизнь класть кирпичи.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мы с Ленни вели себя просто как парочка сопливых придурков, но в то время нам это казалось нормальным. Мы смотрели свысока на свою работу и задирали нос перед Бобби Сколой. Да пошёл он!.. Мы были с Поли. Мы плевать хотели на работу. Мы даже за зарплатой ленились сходить. Наши знакомые, которые по-настоящему работали на стройке, приносили чеки в таксопарк или в ресторан «Вилла Карпа» Фрэнки Макаронника в Седархёрсте, где мы любили зависать. Мы обналичивали чеки и уже к понедельнику обычно спускали все денежки на шмотки, бухло и азартные игры. Мы даже свои профсоюзные взносы не платили. С какой стати? В конце концов Бобби Скола не выдержал и взмолился, чтобы Поли снял нас с его шеи. Он сказал, что мы создаём проблемы. Сказал, что от нас на стройке сплошные напряги и рабочие нервничают.

Поли смиловился и согласился избавить его от нас. Вначале я думал, что он пожалел Бобби Сколу, но вскоре понял, что дело было в другом. За один день Поли превратил нас из каменщиков в служащих изысканного ресторана «Азоры» с фасадом из белого искусственного мрамора. Он располагался рядом с отелем «Лидо Бич», в Рокавей, примерно в часе езды от центра. В те времена ресторан этот считался лучшим в городе местом, куда приезжали пообедать бизнесмены и профсоюзные боссы, в основном из швейной или строительной индустрии. Один звонок от Поли, и Ленни стал барменом – а ведь ему по возрасту нельзя было даже по-

сещать бары, не говоря уже о том, чтобы там работать, — мне же выдали смокинг и сделали метрдотелем: двадцатилетнего парня, который ни черта в этом не понимал.

В то время «Азоры» неофициально принадлежали Томасу Луккезе, боссу всей криминальной семьи. Каждый вечер перед тем, как отправиться домой, он заходил в свой ресторан, именно поэтому Поли и пристроил туда Ленни. Вовсе не из-за Бобби Сколы и его профсоюзных проблем. Он хотел, чтобы Ленни познакомился с боссом. И вскоре Луккезе нас полюбил. Мы угождали ему как могли. Он ещё только входил в дверь, а его коктейль уже смешивали. Его бокалы так старательно протирали, что Ленни пару раз просто ломал их от усердия. Любимое место Луккезе за барной стойкой всегда было свободно и надраено до блеска. Нам было плевать, даже если в ресторан набивалось две сотни посетителей — все они ждали, пока обслужат Луккезе. Очень немногие знали, кто он такой, но это не имело значения. Мы-то знали. Он был боссом. В газетах его называли Гаэтано Луккезе Трёхпалый Браун, но никто к нему так не обращался. На улицах он был известен просто как Томми Браун. Ему было тогда за шестьдесят, и он всегда приходил один. Водитель обычно ожидал на улице.

Томми Браун был боссом Швейного квартала на Манхэттене. Контролировал аэропорты. Джонни Дио, отвечавший за шантаж профсоюзов в аэропортах Кеннеди и Ла Гуардия, работал на него. Он подмял под себя весь город. Окружных

партийных лидеров. Судей. Его сына приняли в Вест-Пойнт по рекомендации конгрессмена от Гарлема Вито Маркантонио, а его дочь закончила престижный колледж Вассар. Позже она вышла замуж за сына Карло Гамбино. Сотни миллионов и воротил швейной индустрии были готовы целый час ехать в «Азоры» лишь ради шанса встретить Томми и поцеловать его зад. Это давало им повод кивнуть ему или сказать: «Привет!» А когда эти богатеи видели, что я спокойно разговариваю с Томми, они начинали лизать задницу и мне. Становились очень услужливыми. Лебезили, улыбались, давали мне свои визитки и говорили, что, если мне понадобится шубка для дамы, или сумочка, или пальто, или платье, всё что угодно – достаточно лишь позвонить. Совали мне в руки сложенные новенькие двадцатки или полусотенные, хрустящие и такие острые на сгибах, что я опасался порезать ладони. Вот каков был Томми Браун. Без всяких усилий он мог заставить самых жадных акул модного бизнеса запросто отдать деньги незнакомому человеку.

Мы начали работать в «Азорах» в середине мая. Жили в квартире через улицу. Поначалу поселились было в доме Поли в Айленд-парк, примерно в четверти часа езды от ресторана, но в собственной квартире оказалось куда веселее. «Азоры» были в нашем распоряжении. Ресторан закрывался в десять вечера, а ночью начинал работать бассейн. Мы приглашали друзей и ели-пили совершенно бесплатно. «Азоры» стали нашим частным клубом. Там я впервые попробовал

«красивую жизнь». Никогда прежде не лопал столько салатов с креветками. После работы мы отправлялись по кабакам. Я увидел, как живут богатеи. Каждый день наблюдал за обитателями богатых пригородов, вроде Лоуренса или Седархёрста, видел бизнесменов и спецов с кучей бабла; их жён, выглядевших как актриса Моника ван Вурен; их дома размером с целый отель, занявшие весь южный берег; их моторные яхты размером не меньше моего собственного дома, пришвартованные прямо на заднем дворе, которым им служил весь чёртов Атлантический океан.

Официальным владельцем и управляющим «Азор» был Томми Мортон. Парни вроде него работали подставными лицами для умников, которые не хотели видеть собственные имена на всяких документах типа алкогольных лицензий. Порой подставные вкладывали в заведения и свои собственные средства, а умники исполняли в этих предприятиях роль негласных партнёров. Мортон, например, дружил с Поли. Знал кучу разного народа. Представлял, наверное, интересы многих умников. Но за это он должен был им платить каждую неделю определённую сумму, и их не волновало, хорошо или плохо идёт бизнес. Такова цена партнёрства с мафией. Они хотели получать свои бабки независимо ни от чего. Проблемы с бизнесом? Плевать, плати мне. Приключился пожар? Плевать, плати мне. В заведение ударила молния или в зале разразилась Третья мировая? Плевать, плати мне. Иными словами, Томми Мортон получал свои деньги

только после того, как умники снимут сливки и заберут то, что им причитается. Вот почему Мортон до печёнок ненавидел меня и Ленни. Во-первых, ему не нравилось, что паранюных наглецов мешает ему нормально вести бизнес. Он платил нам по две сотни в неделю, а мог бы нанять на эти деньги нормальных бармена и метрдотеля. А во-вторых, мы просто внаглую его обкрадывали. Всё, что мы присваивали или разбазаривали, оплачивалось из его кармана. Я знаю, что мы бесили его неимоверно, но он ничего не мог с нами поделать.

К концу лета мы заскучали. Приближался День труда. Хлопотный для работников ресторанов длинный уикенд. Мы решили уволиться. Луккезе не появлялся уже около месяца. Все были в отпусках, кроме нас. Мы знали, что увольнение нашему будущему не повредит. Луккезе уже намекнул, что осенью устроит нас кое-куда в Швейном квартале.

К несчастью, на Томми Мортоне работал тот немецкий шеф-повар. Это казалось невероятным, но он, кажется, ненавидел нас даже больше, чем сам Мортон. Каждую ночь пытался кормить нас рисом с курицей, словно обычных работников. Наверное, почувствовал или где-то услышал, что Томми нас терпеть не может, и решил затянуть гайки. Наконец, в четверг, как раз перед Днём труда, мы опоздали на работу. Стоило нам войти, шеф принялся ругаться и орать. Прямо в зале ресторана. Жалкий ублюдок. Вокруг был народ. Ранние посетители. Я взбесился. Почувствовал себя оскорблённым. Как такое стерпеть? Я бросился на него и

схватил за горло. Потом подросел Ленни, и мы взяли шефа за руки, за ноги. Отволокли на кухню и стали запихивать в духовку. В ней было градусов, наверное, четыреста пятьдесят. Вряд ли нам удалось бы его засунуть туда, но он не был в этом уверен. Он орал, дёргался и извивался, пока мы не отпустили его. Едва коснувшись пола, он вскочил и рванул прочь. Выбежал из ресторана. И больше не возвращался. Мы с Ленни поступили так же.

Поли был в ярости. Томми Мортон ему наверняка наябедничал. Поли повёл себя так, словно мы опозорили его перед Луккезе. Он до того разозлился, что заставил меня сжечь автомобиль Ленни. Это был жёлтый кабриолет «Бонневилль» 1965 года. Ленни любил эту машину, но Поли заставил меня её сжечь. Приказал уничтожить машину собственного сына. Тадди отогнал её в «дыру». Дырой мы называли свалку автохлама в Озон-парк, принадлежавшую Джерри Азаро и его сыну Винсенту. Они работали на семью Бонанно. Потом Поли схватил меня за плечи и сказал: «Иди и сожги машину». Я чуть не рехнулся. Он же сам подарил Ленни этот автомобиль! Под взглядами Поли и Тадди, сидевших в машине Варио, я вылил в кабриолет литра два бензина и бросил спичку. Потом смотрел, как тачка сгорает дотла.

Лето кончилось, но я был уже занят миллионом разных других дел. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь не явился с новой темой. Одна девчонка из нашего квартала устроилась на работу в компанию по обработке платежей с креди-

ток «Мастер Чардж». Она таскала нам из офиса инструкции по безопасности и проверке платежеспособности. Поначалу мы покупали кучу кредиток у парней с почты, которые продавали их вместо того, чтобы рассылать адресатам, но компании быстро просекли это дело и стали направлять клиентам письма с вопросом, получили они карточку или нет. Лучше всего оказалось иметь своего человека прямо в банке. Девчонка приносила нам перевыпущенные карты и сообщала, какой там кредитный лимит. Я получал кредитку ещё до того, как её клали в конверт, чтобы отослать владельцу. Если, например, лимит был пятьсот долларов, мы отправлялись с этой карточкой в магазины, где нас уже знали. Я откатывал с неё сразу десяток слип-чеков. Наши сообщники в магазинах звонили в банк и получали авторизацию на покупку стереосистемы за триста девяносто долларов, телевизора за четыреста пятьдесят, часов за четыреста семьдесят – да чего угодно. Клиент свою карту по почте так и не дожидался, а мы имели фору примерно месяц до того, как её объявят украденной. Я старался сделать все крупные покупки как можно быстрее. Продавцов в магазинах всё это мало беспокоило, они-то свои денежки получали. Просто относили авторизованные слипы в банк и меняли на наличку.

Сейчас подобные трюки отлавливают компьютерные системы, но тогда я делал на этом кучу денег. При желании мог за один день набрать всяких товаров тысяч на десять баксов. Даже без предварительного сговора с продавцом обманывать

магазины было очень просто. В них продавались сотни разных товаров, а у нас всегда были наготове фальшивые права и прочие удостоверения личности. Мы их покупали у Тони Пекаря из Озон-парк. Он был настоящим пекарем, кстати. Владел кондитерской и пёк хлеб. Но, кроме того, мог прямо при тебе испечь фальшивые права. Держал наготове все нужные бланки. Вы не поверите, до чего он был хорош. Он где-то в Олбани добывал настоящие коды, так что даже дорожная полиция не могла распознать фальшивку. Брал полсотни баксов за комплект, а в комплект входили водительские права, карта социального страхования и карта регистрации избирателя.

Покончив с крупными покупками, я продавал карту «мелочёвщикам» – ребятам, которые брали на неё товары ценой ниже лимита авторизации. Например, по некоторым картам магазин просил в банке авторизацию, если покупка стоила дороже пятидесяти баксов, по другим – если дороже сотни. «Мелочёвщики» всегда покупали что-то дешевле этого предела. Они отправлялись в большой универмаг или торговый центр и шарашили там сорокапятидолларовые покупки на пятидесятидолларовую карту. Ты мог покупать блендеры, радиоприёмники, сигареты, бритвы – всё, что легко потом сбавить за полцены, и за пару часов неплохо навариться. «Куча» Эдвардс, высокий тощий негр, часто тусовавшийся с нашей бандой, был мастером мелочёвки. Он приезжал в торговый центр на крытом грузовике и закупался там целый

день до тех пор, пока в машине не оставалось места. На него работала целая армия продавцов, которые развозили добычу по фабрикам и толкали рабочим, или же он сдавал товары в семейные магазинчики Гарлема, или продавал сразу весь грузовик оптовикам из Нью-Джерси.

В сигаретный бизнес меня вовлёк Джимми Бёрк. Хотя я и раньше слышал об этой теме, ещё когда служил в Северной Каролине. На Юге США блок сигарет стоил тогда два доллара десять центов, а в Нью-Йорке тот же самый блок – уже три семьдесят пять, из-за местных налогов. Однажды Джимми приехал в таксопарк на машине, под завязку набитой сигаретами. Он дал мне сотню блоков и велел попытаться их продать. Я сомневался, но он уговорил меня попробовать. Я побросал блоки в багажник своей машины и поехал на ближайшую стройплощадку. Все сигареты были распроданы за десять минут. Работяги сэкономили примерно бакс на блоке. Для них это было существенно. А для меня существенным было то, что за десять минут я на каждой из тех упаковок поднял двадцать пять центов. Вечером я отправился к Джимми домой, расплатился за сотню блоков и тут же взял ещё триста – столько, сколько влезло в багажник. На следующий день снова распродал всё за десять минут. «Ну ничего себе!» – подумал я, вернулся к Джимми, снова взял три сотни в багажник и ещё две – на заднее сиденье автомобиля. На круг вышло сто двадцать пять баксов прибыли за пару часов работы.

Джимми привёл в таксопарк тощего паренька с тонкими усиками, одетого в костюм умника. Его звали Томми Де Симоне. Он был из тех ребят, кто выглядит моложе своих лет как раз потому, что пытается казаться старше. Джимми дружил с семьёй Томми много лет и хотел, чтобы я присмотрел за парнем и обучил сигаретному бизнесу, помог поднять малость бабла. Вскоре мы на пару с Томми делали триста-четыреста баксов в день. Мы продавали сотни блоков на стройплощадках и швейных фабриках. Мы продавали их в гаражах санитарного департамента, в депо подземки и на автобусной станции. В 1965 году город ещё не воспринимал всё это всерьёз. В конце концов мы обнаглели настолько, что начали торговать прямо на улицах, а если приходил коп, просто дарили ему пару блоков, чтобы оставил нас в покое.

Довольно быстро мы сами начали привозить сигареты. Летели в Вашингтон, брали такси до пункта аренды грузовиков, арендовали машину, пользуясь поддельными правами и удостоверением личности, и гнали её к одному из сигаретных оптовиков в Северной Каролине. Грузили восемь или девять тысяч блоков и возвращались на север. Но мы были не одни такие умные, и постепенно обстановка начала накаляться. Поначалу стражи закона ловили немногих, и при задержании просто выдавали повестку в суд. Это были не копы, а налоговые агенты, которые даже пушек с собой не носили. Потом они стали умнее и начали конфисковывать грузовики. Тогда транспортные компании перестали сдавать

нам машины в аренду. Мы принялись финтить и придумывать всевозможные способы заполучить грузовик, от взяток до найма местных ребят, которые оформляли аренду на себя. Таким образом мы запалили половину арендных пунктов компании «Ю-Хол» в Вашингтоне. Просто разорили их. Тогда мы начали арендовать машины у Винни Бинса, который владел «Капо Тракинг Компани» в Бронксе. Винни понятия не имел, зачем нам нужны грузовики, так что всё шло просто отлично, пока он не обнаружил, что лишился дюжины машин. Когда выяснилось, что грузовики арестованы за контрабанду, этот источник тоже иссяк. Если бы не прикрытие Поли, нас за такие фокусы тут же грохнули бы, поверьте на слово. В конце концов нам пришлось купить собственную машину, благо доходы позволяли. Мы с Томми приобрели отличный семиметровый тягач, а Джимми Бёрк подогнал нам прицепы. Некоторое время всё шло отлично, но потом этим делом занялись слишком многие. Команда семьи Коломбо из бруклинского Бенсонхёрста начала затоваривать рынок. Прибыли снизились. Но к тому времени я уже занялся другими делами.

Я начал угонять автомобили, например. Я тогда познакомился с Эдди Ригго, агентом по импорту-экспорту из гаитянской компании «Си-Лэнд Сервис». Ригго владел небольшим магазинчиком в Квинсе, где продавались всякие гаитянские продукты, и он был каким-то образом завязан с очень серьёзными людьми на Гаити. Я помню, как воскресный выпуск

«Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» тиснул целую статью про его семейство. Наш бизнес был незамысловат: я угонял для него машины, а он вывозил «горячие» тачки из страны и сбывал их.

Дело оказалось несложным. На меня работала целая банда подростков. Ребята из нашего района и их друзья. Смекалистые парни, которые понимали, что к чему. Я платил за каждую угнанную машину сотку баксов. Пока не набиралось десять или двенадцать, машины я прятал на задах автостоянок, чтобы «горячие» авто не светились на улицах, а тем временем добывал для них новые серийные номера от тачек, что шли в металлолом. Потом я сообщал эти номера Эдди Ригу и уже на следующий день получал готовые экспортные декларации. Оставалось отправить машины в порт. С этими документами наши авто проходили таможеню как по маслу. Инспекторы, в соответствии с декларацией, проверяли лишь наличие повреждений и запасных шин. Это были только новые автомобили – маленькие «форды» и другие компактные, экономичные машины, потому что бензин на Гаити был в те годы недёшев – четверть бакса за литр. Я получал за каждую тачку семьсот пятьдесят долларов. Всех дел было на пару часов в день, а потом мне оставалось лишь раз в пять-шесть недель слетать в Порт-о-Пренс, чтобы получить свои денежки. Путешествие обходилось не так уж дорого, потому что я всюю пользовался фальшивыми деньгами, а также краденными дорожными чеками и кредитками.

Всё это время я не прекращал сопровождать Поли. Вozил его то туда, то сюда. Подбирал в десять утра, и мы колесили до трёх часов ночи, когда он заезжал в ресторан, чтобы подкрепиться печёнкой с луком или стейком с картошкой. Поли постоянно был в движении, и я вместе с ним. Ежедневно воплощались сотни разных планов, и тысячи дел требовали пригляда. Поли был боссом целого района, он присматривал за парнями, которые занимались азартными играми, подпольными лотереями, профсоюзами, угоном автомобилей, скупкой краденого, ростовщицеством. Все работали под его крышей, типа франшизы, и делились наваром с Поли, который часть оставлял себе, а остальное отправлял наверх по цепочке. Он был кем-то вроде сборщика дани, как в старой доброй Италии, за тем лишь исключением, что всё это происходило в Америке.

Для человека, который целый день ездил по городу и решал огромное количество вопросов, Поли умудрялся ограничивать личное общение весьма узким кругом доверенных лиц, не более шести. Если, например, возникали какие-то сложности с подпольной лотереей, спор выносился на рассмотрение Стива Де Паскуале, который управлял этим бизнесом от имени Пола. На следующее утро Поли встречался со Стивом, выслушивал, в чём проблема, и давал тому инструкции, как её решать. При этом большую часть времени Поли просто молча слушал, что говорит Стив, потому что Стив реально разбирался в этом деле лучше своего бос-

са. Потом Пол принимал решение, что делать. Если возникали разногласия из-за азартных игр, он обсуждал их со своим братом Малышом. Профсоюзные проблемы он решал с разными профсоюзными боссами, в зависимости от обстоятельств. Всё приводилось к наименьшему общему знаменателю. Решалось в разговорах один на один. Поли не верил в коллективные совещания. Он не хотел, чтобы кто-то посторонний слышал, что он говорит, и ещё меньше – чтобы слышали, что говорят ему.

Подчинённые подчинённых Поли были очень разными людьми – от прожжённых жуликов до легальных бизнесменов. Но все они понимали законы улицы. Делали дела. Подмазывали где надо, чтобы колёсики крутились. А Поли держал всё это в голове. У него не было секретаря. Он не вёл никаких записей. Никогда ничего не записывал и никому не звонил, разве что из уличного автомата, да и то лишь для того, чтобы назначить встречу. От Поли зависели заработки сотен людей, но он никогда не платил им ни цента. Те, кто работал на Поли, должны были сами добывать себе денежки. Он давал им лишь одно: защиту от других, таких же ушлых, как они. В этом и была суть бизнеса. То, чего никак не могли понять парни из ФБР, – Поли и его организация обеспечивали защиту тем, кто не мог пойти в полицию. Они были чем-то вроде полицейского участка для умников. Предположим, у меня есть товар на полста тысяч баксов из угнанного грузовика, однако, когда я доставляю его перекупщику, меня

вместо оплаты просто кидают. И что мне делать? Идти к копам? Это вряд ли. Перестрелять виновных? Я угонщик, а не ковбой. Нет. Единственный способ гарантировать, что меня никто не кинет, – договориться с мафиози вроде Поли. С посвящённым. Членом криминальной семьи. Боевиком. Тогда, если кто-то поймел тебя – он поймел и Поли, а это уже финиш. «Пока-пока...» – они мертвы, а дважды краденный товар забит им в глотки и кое-куда ещё. Конечно, если те, кто тебя кинул, связаны с другими умниками, могли возникнуть определённые сложности. Тогда их и твои умники забивали стрелку и решали вопрос. Обычно дело кончалось тем, что они делили весь краденый товар между собой, а тебя и твоего обидчика отсылали по домам не солоно хлебавши. Попробуй возмутиться – и ты труп.

Ещё одним преимуществом работы под покровительством парней вроде Поли были прикормленные ими копы. Умники башляли копам так давно, что, наверное, оплатили колледжи большему количеству детей полицейских, чем кто-либо ещё в мире. Нечто вроде стипендии от умников. Поли или Малыш, который обычно занимался такими делами для брата, прикармливали копов с момента начала службы, когда те были ещё новичками-патрульными. Со временем эти полицейские достигали высоких должностей, а Малыш продолжал им помогать. Когда им требовался совет по конкретному делу, когда им была нужна информация, Малыш давал и то и другое. Но это была улица с двусторонним движением.

Принимая взятки от Малыша, они знали, что это безопасно. Между грязными копами и умниками возникало доверие. Аналогично это работало и со всеми остальными. Политики – не все, но многие, – тоже порой нуждались в помощи. Они, когда было нужно, получали офисы, автобусы с громкоговорящими системами, рядовых членов профсоюза для подписания петиций, юристов для надзора за выборами – и всё это бесплатно. Думаете, эти политики не были благодарны? Думаете, не понимали, кто их настоящие друзья? Причём, заметьте, всё это не было делом рук самого Пола Варио. Очень немногие политики вообще когда-либо встречались с ним. Нет, сэр. Всё, что нужно, устраивали дружественные Полу бизнесмены. Задолжавшие Полу юристы. Строители, боссы транспортных компаний, профсоюзные лидеры, мясники, бухгалтеры, подрядчики муниципалитета – уважаемые и законопослушные граждане. Но за их спинами всегда стояли люди вроде Поли, ожидая свою плату.

Я был рядовым бойцом организации, но даже я жил очень хорошо. Делал всё, что хотел. Крал и мошенничал с двух рук. Вozил нелегальные сигареты, давал деньги в рост, принимал ставки и отправлял краденые тачки на Гаити. Тадди платил мне по паре косарей за поджоги супермаркетов и ресторанов. Потом он и владельцы делили страховые премии. Я научился катать горячие «колбаски» из сухого спирта и туалетной бумаги и совать их в перекрытия. Такую штуку легко запалить от спички, но, если имеешь дело с бензином или ке-

росином, спичками пользоваться опасно из-за паров. Лучше сунуть горящую сигарету в коробок спичек – когда она догорает, спички вспыхивают и поджигают здание. Ты к этому моменту уже давно смотался.

Я многих доставал. Постоянно встревал в свары. Мне было плевать. За мной стояли десять или двенадцать бойцов. Мы отправлялись в ресторан в Рокавей, Файф-Таунс или другом богатом пригороде и кутили вволю. Заведение выбирали так или иначе уже связанное с мафией. Или в нём работал букмекер, или сам владелец давал деньги в рост, или из подвала приторговывали краденым. Я хочу сказать, что это не были забегаловки для старушек типа «Шрафтс». Это были дорожные рестораны со стенами, обитыми красным шёлком, и коврами во весь пол – «ковровые места», как мы их называли, – где хозяин вбухал в интерьер приличные деньги. С девочками для услуг и нелегальными азартными играми. Владельцы или менеджеры обычно уже знали, кто мы такие. Мы тратили бабло. Развлекались на всю катушку. Подписывали какие угодно счета, включая щедрые чаевые официантам. Почему бы и нет? Мы швырялись деньгами. Тратили за вечер больше, чем целый конгресс стоматологов вместе с их жёнами за неделю.

Наконец, пару недель спустя, когда счета достигали уже нескольких тысяч, приходил владелец. Он пытался вести себя прилично. Разговаривать вежливо. Невзирая на это, мы тут же устраивали бучу. «Ах ты, козёл! – начинал орать

кто-нибудь из нас. — После всего, что мы тут потратили, ты смеешь оскорблять меня в присутствии друзей? Называть меня неплатёжеспособным? Тебе конец, ты труп. Жалкий ублюдок...» — И так далее, и тому подобное. Ты орёшь на него, швыряешься бокалами или тарелками и вообще делаешь вид, будто ты в ярости. То есть хотя в глубине души и понимаешь, что ведёшь себя, как кусок дерьма, всё равно распаляешься так, словно возмущён и готов порвать негодяя на куски. Потом тебя кто-нибудь начинает успокаивать, но ты продолжаешь кричать, что надо-де переломать ему ноги.

Тут у парня возникает проблема. Он знает, кто мы. Он знает, что мы действительно можем переломать ему ноги, и никто не вступится. Он не может пойти к копам, потому что у него самого рыльце в пушку и он знает, что копы растрясут его на ещё большую сумму, чем он им уже платит. Вдобавок ему известно, что копы у нас на зарплате. Если он начнёт слишком сильно шуметь, его бизнесу конец. У него не остаётся иного выхода, кроме как пойти с жалобой к Поли. Ну, может, не к самому Поли, а к тому, с кем Поли станет разговаривать. К Фрэнки Макароннику. Стиву Де Паскуале. Бруно Фаччоло.

Если у ресторатора были достаточно хорошие связи, он наконец получал аудиенцию у Поли. Поли был само понимание. Он сочувствовал. Он сетовал, что не знает, как нас обуздать. Обзывал нас чокнутыми сопляками. Объяснял, что не раз вразумлял нас, но мы и слушать не хотим. Что у него из-

за нас куча проблем. Что мы весь город поставили на уши. Обычно в этот момент ресторатор начинал понимать, что за избавление от нас придётся что-то заплатить. И так, слово за слово, Поли вскоре договаривался об оплате, пару сотен в неделю или около того, в зависимости от обстоятельств. Плюс забыть про наш счёт. Дело шло как по маслу.

Так владелец ресторана получал Поли в партнёры. Ещё какие-то проблемы? Обратись к Поли. Достают копы? Иди к Поли. Сложности с поставщиками? Позвони Поли. Разумеется, это работало в обе стороны. Поли теперь мог прислать для трудоустройства в ресторан досрочно освобождённого или попросить отдать поставки спиртного и еды своим друзьям. Плюс страховка. Кто решает вопросы со страховкой? Обычно это политики, и те из них, кто близок к Поли, получает свой кусок в виде комиссионных. Плюс коммунальные услуги. Кто убирается в ресторане? Я хочу сказать, что умники знали множество способов доить бабки с бизнеса.

А если мы решали разорить заведение, то получали ещё больше. Кредиты, например. Ресторан ведёт бизнес, скажем, двадцать-тридцать лет. Естественно, у него есть в банке кредит. Ты заявляешь, что хочешь переоборудовать помещение, приходит кредитный агент и даёт добро на расходы. Если ты решил разорить ресторан, то можешь забыть про переоборудование, взять эти денежки и потратить их, как хочешь.

Если у него есть вдобавок кредитные линии от поставщиков, ты, как новый партнёр, звонишь им и просишь привезти,

что тебе нужно. Или звонишь другим оптовикам, и они целыми машинами присылают разное добро, полагаясь на хорошую кредитную историю заведения. Оптовики хотят делать бизнес. Они не хотят тебе отказывать. Менеджерам по продажам надо выполнять план. Так что ты начинаешь заказывать. Заказываешь ящики виски и вина. Заказываешь мебель. Заказываешь мыло, полотенца, бокалы, светильники, продукты и ещё больше продуктов. Стейки. Две сотни филе. Коробки со свежими омарами, крабами и креветками. В твои двери заносят столько подарков, словно сейчас Рождество.

И пока их заносят через одну дверь, ты всё это выносишь через другую. Конечно, товар перепродаётся со скидкой, но, поскольку ты в любом случае не собираешься за него платить, любая продажа идёт в плюс. Или твои приятели пользуются всем этим, чтобы открыть свои собственные заведения. Просто выдаиваешь несчастный ресторан досуха. Разоряешь его в ноль. А если тебе всего этого мало, можешь под конец и вовсе сжечь его ради страховой премии. При этом Поли нигде не светился как партнёр. Никаких имён. Никаких подписей. Поли не нужны были бумаги. Насколько мне известно, в шестидесятые Поли не только разорял рестораны, но и негласно владел долями в двух-трёх десятках заведений. Сотня баксов здесь, две или три сотни там. Его дела шли великолепно. Помню, он однажды признался мне, что заначил полтора миллиона наличными на чёрный день. Он

постоянно пытался уговорить меня начать делать сбережения, но я не хотел. Он говорил, что свои держит в сейфе. А я отвечал, что не желаю копить, потому что всегда могу заработать ещё.

Я был не один такой. Все, кого я знал, делали бабки на каких-то темах, и практически никого за это не ловили. Вот чего не могли понять посторонние: если ты постоянно крутишь разные аферы, и все вокруг заняты ровно тем же, и никого не сажают, кроме как по чистой случайности, ты начинаешь понимать, что это не так уж и опасно. Способов зарабатывать существует великое множество. Вовсе не обязательно торговать краденым или кого-то грабить. Один парень из нашего района работал менеджером в местном супермаркете, типичном сетевом магазине с десятком касс и прибылью полпроцента от оборота. Он всегда вёл себя как приличный и большим авторитетом в нашем квартале не пользовался. Так продолжалось до тех пор, пока во время его отпуска головной офис розничной сети не прислал плотников установить новые кассы. Те приехали, сверились со своими чертежами и поначалу решили, что зашли не в тот магазин. В нём было одиннадцать касс вместо положенных десяти. Однако в головном офисе быстро допетрили, что кое-кто установил свою собственную кассу, и все денежки за товар, что пробивался через неё, отправлялись прямым ходом в карман этого ловкача. Когда наш приятель вернулся из отпуска, его уже поджидали копы, зато он стал местным героем. Его уволили,

но, поскольку он прикинулся дурачком и всё отрицал, так и не смогли предъявить обвинение – он не провёл в тюрьме ни дня.

Кроме того, тусовки с мафией означали азартные игры. Дня не проходило без ставок. Когда у меня были деньги, я ставил тысячу долларов на разницу в счёте баскетбольной игры, и это обычно была далеко не единственная ставка. По огромному-огромному миру субботних спортивных состязаний я мог запросто раскидать до десятки штук зелени. Джимми ставил на футбол по тридцать, а то и по сорок тысяч. Мы ходили на ипподром, бросали кости в Вегасе, играли в карты и делали ставки на всё, что движется. Ничто так не будоражит, особенно если ты имеешь годную наводку.

И мы знали ребят вроде Ричи Перри, кто мог такую наводку дать. Он был гением. Перри раньше всех сообразил разослать по стране десятки наблюдателей, чтобы они следили за спортивными командами колледжей. Он знал, в каком состоянии поле, какие травмы у ключевых игроков, пил ли перед игрой нападающий, и сотни других фактов, которые помогали ему получить преимущество. Он отыскивал в газетах колледжей из маленьких городков такие спортивные новости, которые никогда не попадали в общенациональную прессу, и имел повсюду людей, которые готовы были ему позвонить в последнюю минуту перед ставкой.

Это он изобрёл способ повысить шансы на победу в игре на скачках «Суперфекта», после чего мы некоторое вре-

мя так процветали, что были вынуждены нанимать за десять процентов людей для обналички наших билетов, чтобы руководство ипподрома не переполошилось. В этом бизнесе крутилось столько бабок, что некоторые парни – уже известные полиции и не желавшие светиться с выигрышами – даже нанимали копов, чтобы те получали для них деньги в кассе тотализатора.

В «Суперфекте» – которую с тех пор запретили – игрок должен был угадать четырёх первых лошадей из восьми, причем именно в том порядке, в котором они придут к финишу. Перри сообразил, что, если заставить двух-трёх жокеев придержать коней или вовсе отказаться от скачки, за небольшую цену можно покрыть все оставшиеся комбинации. Например, если в скачке честно соревнуются восемь лошадей – есть тысяча шестьсот восемьдесят выигрышных комбинаций, покрыть которые трёхдолларовыми ставками обойдётся в пять тысяч сорок баксов. Поскольку средний выигрыш в «Суперфекте» был около трёх тысяч долларов, это не имело смысла. Однако, удалив двух или трёх лошадей, мы практически гарантировали себе победу, потому что чисто математически оставалось всего триста шестьдесят комбинаций, которые можно было покрыть одним билетом ценой в тысячу восемьдесят долларов. Когда проводился такой договорный заезд, мы ставили на него сразу двадцать пять тысяч или даже полста штук баксов.

Мы подкупали жокеев через так называемых ястребов –

завсегдаев ипподрома, которые жили или выпивали с жокеями и тренерами. Обычно это были их жёны, подружки, бывшие жокеи, отставные тренеры – люди, знавшие всю подноготную мира скачек. С ястребами мы знакомились, постоянно тусуясь на ипподроме, принимая их ставки, одалживая деньги, предлагая задёшево краденые телевизоры или дизайнерские платья. Вы удивитесь, до чего просто было всё это устроить.

В конце концов владельцы тотализаторов сообразили, что с выплатами по «Суперфекте» творится что-то неладное, начали расследование и добились ареста почти всей нашей команды. Федералы объявили, что, жульничая на скачках, мы заработали больше трёх миллионов баксов, хотя это было преувеличением. Под суд отправились два десятка жокеев, тренеров и умников. Бруно Фаччоло и Питер, сын Поли, выкрутились, а Ричи Перри приговорили. Он получил шесть месяцев.

Глава пятая

В 1965 году Генри Хиллу было двадцать два, он оставался холостяком и наслаждался жизнью. Его дни были длинными, и он с удовольствием заполнял их множеством дел. Жульничество и махинации занимали каждую свободную минуту. Вокруг них крутились все разговоры, и они же придавали жизни остроту. В мире Генри «жить» означало разводить лохов и поднимать бабло. И он по-прежнему не волновался о накоплениях. Фактически, насколько ему было известно, никто из парней его возраста сбережений не делал. Финансы Генри могли катастрофически уйти в минус и тут же снова пополниться на протяжении всего какой-то пары часов. После удачной аферы у него вдруг появлялось столько толстых пачек новёхоньких банкнот, что их приходилось совать за пояс, потому что в карманах не хватало места. А ещё несколько дней спустя ему опять не хватало наличности. Скорость, с которой он и его друзья могли растратить любой капитал, была просто поразительной. Он буквально швырялся деньгами. Отправляясь в поход по барам и ночным клубам Лонг-Бич, Файф-Таунс или Рокавей, он ошеломлял официантов чаевыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.